МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
[Полное название вуза]

На правах рукописи

[Фамилия Имя Отчество]

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Специальность 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель:
[ученая степень, учёное звание]
[Фамилия И. О.]

[Город] 2026

Пример работы, выполненной в Универ AI · univerai.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....3
1. Теоретико-методологические основы исследования региональных факторов развития МСП.....9
1.1 Малое и среднее предпринимательство как объект региональной экономики.....9
1.2 Факторы пространственного распределения предпринимательской активности: теоретические подходы и эмпирические исследования.....13
1.3 Институциональная среда и государственная поддержка МСП в России.....20
2. Региональная дифференциация развития МСП в России в 2021–2026 гг.. .25
2.1 Информационная база и система показателей.....25
2.2 Динамика числа субъектов МСП по федеральным округам.....29
2.3 Плотность предпринимательства и концентрация МСП в субъектах РФ.....35
3. Оценка влияния региональных факторов на развитие МСП.....40
3.1 Корреляционно-регрессионная модель плотности МСП.....40
3.2 Межрегиональная конвергенция и типология регионов.....48
3.3 Направления совершенствования региональной политики поддержки МСП.....54
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....62
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....65
Приложение А. Число и плотность субъектов МСП по субъектам Российской Федерации.....74

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. На 10 июля 2026 г. в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства числились 6 612 445 субъектов, на 222,5 тыс. больше, чем годом ранее [16]. Рост выглядит устойчивым, но за средней цифрой скрываются очень разные регионы. В Санкт-Петербурге на тысячу жителей приходится около 65 субъектов МСП, в Москве — около 64, а в Республике Ингушетия — 12 (расчёт автора по данным реестра и Росстата [16, 17]). Разрыв более чем в пять раз сохраняется много лет и мало зависит от того, сколько денег регионы тратят на поддержку бизнеса.

Для государства этот разрыв стал практическим вопросом. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 включил в национальную цель «Устойчивая и динамичная экономика» отдельный показатель для МСП: в 2024–2030 гг. реальный доход на одного работника субъекта МСП должен расти в 1,2 раза быстрее ВВП [6]. Цель общенациональная, а достигать её придётся в 89 субъектах с несопоставимыми рынками, доходами населения и институтами. Без понимания того, какие региональные условия действительно связаны с плотностью и динамикой предпринимательства, распределение федеральных субсидий и региональных программ превращается в механическое тиражирование одних и тех же мер.

Второй источник актуальности — изменение самой структуры сектора. С июля 2025 по июль 2026 г. число юридических лиц в реестре сократилось на 5,2 %, а число индивидуальных предпринимателей выросло на 7,8 % [16]. Сектор становится всё более «индивидуальным» и микроскопическим: микропредприятия составляют 96 % всех субъектов. Для региональной экономики это означает, что рост числа субъектов не обязательно сопровождается ростом занятости, оборота и налоговой базы, и показатели развития МСП нужно читать осторожно.

Степень научной разработанности проблемы. Пространственные различия в предпринимательской активности изучаются с начала 1990-х годов. Классическим стал выпуск журнала Regional Studies 1994 г., где Д. Одретч и М. Фрич, П. Рейнольдс, Д. Стори и П. Уэстхед показали, что уровень создания новых фирм в регионах объясняется спросом, плотностью населения, структурой занятости и безработицей [31, 53]. Работы Э. Глейзера и У. Керра связали предпринимательство с размером городов и наличием поставщиков [45, 46], исследования М. Фрича и М. Вирвиха — с долгой историей региональной предпринимательской культуры [43]. Концепцию предпринимательских экосистем развивали Э. Стам и Б. Шпигель [55, 56], а институциональную трактовку — У. Баумоль, Р. Айдис, С. Эстрин и Т. Мицкевич [30, 35].

В отечественной науке региональные факторы МСП систематически исследуют С. П. Земцов, В. А. Баринова, Ю. В. Царёва и их коллеги из РАНХиГС и Института Гайдара: они оценили роль институтов, доступа к финансам и рыночного потенциала для малого бизнеса в регионах [24, 26], а также ежегодно анализируют показатели сферы МСП по данным реестра [23]. Приоритеты и инструменты пространственной политики, в том числе ставку на крупные агломерации, критически оценивает Н. В. Зубаревич [27]. При этом большая часть эконометрических работ построена на данных до 2020 г., а период после пандемии и санкционного шока 2022 г. с его быстрым ростом числа ИП в республиках Северного Кавказа и подмосковной агломерации изучен слабо. Этим и определён выбор темы.

Цель исследования — выявить региональные факторы, связанные с уровнем и динамикой развития малого и среднего предпринимательства в субъектах Российской Федерации в 2021–2026 гг., и обосновать на этой основе направления дифференцированной региональной политики поддержки МСП.

Для достижения цели поставлены следующие **задачи**:

1) уточнить содержание понятия «развитие МСП в регионе» и систему показателей, пригодных для межрегиональных сравнений;

2) систематизировать теоретические подходы и эмпирические результаты исследований факторов пространственного распределения предпринимательства;

3) охарактеризовать институциональную среду и инструменты государственной поддержки МСП на федеральном и региональном уровнях;

4) проанализировать динамику числа субъектов МСП по федеральным округам и субъектам РФ по данным Единого реестра за 2021–2026 гг.;

5) оценить межрегиональную дифференциацию и концентрацию МСП;

6) построить корреляционно-регрессионные модели плотности и прироста субъектов МСП и проверить гипотезу межрегиональной конвергенции;

7) разработать типологию регионов и предложить для каждого типа приоритетные меры региональной политики.

Объект исследования — малое и среднее предпринимательство в субъектах Российской Федерации. **Предмет исследования** — социально-экономические и институциональные факторы, определяющие межрегиональные различия в уровне и темпах развития МСП.

Теоретико-методологическая основа исследования включает теорию предпринимательства (Й. Шумпетер, И. Кирцнер, У. Баумоль), новую экономическую географию и теорию агломерационных эффектов, институциональную теорию, концепцию предпринимательских экосистем, а также работы отечественных специалистов по региональной экономике и пространственному развитию.

Методы исследования: сравнительный и структурный анализ, индексный метод, расчёт показателей концентрации (индекс Херфиндаля — Хиршмана, коэффициент локализации относительно населения), корреляционный анализ Пирсона и Спирмена, множественная регрессия методом наименьших квадратов с робастными стандартными ошибками,

анализ β- и σ-конвергенции, группировка регионов. Расчёты выполнены автором на языке Python.

Информационная база — данные Единого реестра субъектов МСП ФНС России на 10 июля 2021–2026 гг. и на 10 января 2024–2025 гг. по 85 субъектам РФ [12, 14, 15, 16], данные Росстата о численности населения, валовом региональном продукте на душу населения, среднедушевых денежных доходах и уровне безработицы [17, 18, 19, 20], федеральные законы и стратегические документы, аналитические материалы Института Гайдара, Банка России и ОПОРЫ РОССИИ. Четыре новых субъекта РФ (ДНР, ЛНР, Запорожская и Херсонская области) из регрессионного анализа исключены: по ним нет сопоставимых рядов Росстата.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1) на данных реестра за 2021–2025 гг. по 85 субъектам РФ показано, что межрегиональная дифференциация плотности МСП снижается (стандартное отклонение логарифма плотности уменьшилось с 0,33 до 0,26), то есть в постпандемийный период наблюдается σ-конвергенция, которую обеспечивают прежде всего регионы с низкой исходной базой;

2) установлено, что в пространственной модели плотности МСП устойчиво значимы среднедушевые доходы населения и принадлежность к столичным агломерациям, тогда как ВРП на душу населения после учёта доходов теряет значимость, а отрицательная связь с безработицей определяется в основном республиками Северного Кавказа; это уточняет вывод о ведущей роли платёжеспособного спроса, а не производственной мощи региона;

3) выявлен разнонаправленный характер влияния безработицы: в пространственном срезе она связана с меньшей плотностью МСП, а в динамике — с более быстрым приростом числа субъектов, что интерпретируется как сочетание эффекта «выталкивания» в самозанятость и легализации неформального сектора;

4) предложена четырёхтипная классификация регионов по уровню и темпам развития МСП (лидеры роста, зрелые рынки, догоняющие, стагнирующие) и обоснован набор приоритетных мер поддержки для каждого типа.

Положения, выносимые на защиту:

1) Для межрегиональных сравнений развития МСП наиболее надёжен показатель плотности субъектов реестра на 1 000 жителей, рассчитанный по июльским срезам реестра, поскольку именно 10 июля реестр ежегодно обновляется по данным налоговой отчётности; январские срезы завышают численность субъектов.

2) В 2021–2026 гг. рост числа субъектов МСП в России сопровождается выравниванием регионов по плотности предпринимательства: наиболее высокие темпы прироста (27,6 % за 2021–2025 гг.) показал Северо-Кавказский федеральный округ при наименьшей плотности (23,7 субъекта на 1 000 жителей).

3) Плотность МСП в регионе связана прежде всего с платёжеспособным спросом населения: рост среднедушевых доходов на 10 % сопряжён с увеличением плотности примерно на 2 % (без ресурсных автономных округов — почти на 4 %), столичные агломерации имеют премию около 23 % сверх уровня, объясняемого доходами; связь с безработицей отрицательна, но характерна прежде всего для Северного Кавказа.

4) Региональная политика поддержки МСП должна строиться дифференцированно по типам регионов: для догоняющих регионов приоритетны легализация и наращивание числа субъектов, для зрелых рынков — рост масштаба бизнеса и переход микропредприятий в категорию малых, для стагнирующих — снижение издержек входа и развитие локального спроса.

Теоретическая значимость работы состоит в уточнении представлений о соотношении спросовых, институциональных и

агломерационных факторов развития МСП в российских регионах на новых данных. **Практическая значимость** определяется тем, что предложенная типология и количественные оценки могут использоваться органами исполнительной власти субъектов РФ при разработке региональных программ развития МСП и при распределении средств федерального проекта поддержки предпринимательства, а также в учебном процессе по курсам «Региональная экономика» и «Экономика предпринимательства».

Соответствие паспорту научной специальности. Исследование выполнено в рамках специальности 5.2.3 «Региональная и отраслевая экономика» и соответствует направлениям, связанным с региональным экономическим развитием и его факторами, региональной социально-экономической дифференциацией и региональной экономической политикой, её целями, инструментами и оценкой результатов [22].

Апробация результатов. Основные положения диссертации докладывались на [ ] научных конференциях: [ ]. По теме исследования опубликовано [ ] работ общим объёмом [ ] п. л., в том числе [ ] статьи в изданиях из Перечня ВАК.

Структура и объём работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы и приложения. Первая глава посвящена теоретическим основам исследования, вторая — анализу региональной дифференциации МСП по данным реестра, третья — эконометрической оценке факторов, типологии регионов и рекомендациям для региональной политики.

1. Теоретико-методологические основы исследования региональных факторов развития МСП

1.1 Малое и среднее предпринимательство как объект региональной экономики

В экономической теории предпринимательство долго рассматривалось вне пространства. Й. Шумпетер описывал предпринимателя как носителя «новых комбинаций», который разрушает сложившееся равновесие [28]. И. Кирцнер, напротив, видел в нём человека, замечающего неиспользованные возможности получения прибыли и тем самым приближающего рынок к равновесию; сопоставление этих двух трактовок см. в систематическом изложении С. Паркера [52]. Ни тот ни другой не задавался вопросом, почему в одних местах таких людей много, а в других мало. Этот вопрос встал позже, когда стало ясно, что новые фирмы распределены по территории крайне неравномерно и что это неравенство устойчиво во времени.

Для региональной экономики малое и среднее предпринимательство интересно не само по себе, а как часть хозяйственной системы территории. МСП обслуживает местный потребительский спрос, создаёт рабочие места там, где крупные предприятия сокращаются, формирует конкурентную среду на локальных рынках и наполняет региональные и местные бюджеты через специальные налоговые режимы. Регион в отечественной региональной науке рассматривается одновременно как часть национального хозяйства и как относительно самостоятельная экономическая система. Во втором качестве ему нужен собственный слой предпринимателей, способных расти без опоры на федеральные трансферты.

В российском праве границы сектора задаёт Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [2]. Статья 4 закона делит субъектов МСП на три категории по средней численности работников, а предельные значения

дохода установлены постановлением Правительства РФ от 4 апреля 2016 г. № 265 [21]. Основные критерии сведены в таблицу 1.

Таблица 1 – Критерии отнесения хозяйствующих субъектов к категориям МСП

Категория	**Средняя численность работников за год, чел.**	**Доход за год, млн руб.**	**Нормативный акт**
Микропредприятие	до 15	до 120	ст. 4 Закона № 209-ФЗ; постановление № 265
Малое предприятие	16–100	до 800	то же
Среднее предприятие	101–250*	до 2 000	то же

* Для отдельных видов деятельности закон допускает более высокий предел численности для средних предприятий. Источник: составлено автором по [2, 21].

Помимо численности и дохода, закон ограничивает долю участия в уставном капитале государства, общественных организаций, иностранных юридических лиц и крупных компаний. Поэтому реестр МСП — не просто список небольших фирм, а результат проверки ряда условий, которую налоговая служба выполняет автоматически на основе отчётности.

С 1 августа 2016 г. сведения о субъектах МСП ведутся в Едином реестре, который формирует ФНС России [2]. Реестр обновляется ежемесячно, 10-го числа, но главное обновление происходит 10 июля: в этот день сведения о численности работников и доходе за предыдущий год пересчитываются по налоговой отчётности, и субъекты, переставшие соответствовать критериям или не сдавшие отчётность, исключаются. Это обстоятельство имеет прямое значение для анализа. На 10 января 2025 г. в реестре было 6 588 535 субъектов [15], а на 10 июля 2025 г. — 6 389 939 [16], то есть почти на 200 тыс. меньше. По Москве разница составила 66,5 тыс.: 910,4 тыс. в январе и 843,9 тыс. в июле. Сравнивать январский срез одного года с июльским срезом другого поэтому нельзя.

Под развитием МСП в регионе в работе понимается изменение во времени количественных и качественных характеристик сектора: числа

субъектов и их плотности относительно населения, численности занятых, оборота, доли в валовом региональном продукте, структуры по размерам и видам деятельности. На практике исследователи выбирают показатели, исходя из доступности данных. Число субъектов реестра обновляется каждый месяц и доступно по всем регионам. Оборот и численность занятых публикует Росстат, но с лагом и с разрывом между сплошными обследованиями и выборочными оценками [23]. Доля МСП в ВРП оценивается Росстатом по регионам ещё реже. По данным Института Гайдара, в 2021 г. она колебалась от 2,3 % в Ненецком автономном округе до 39,6 % в Ивановской области [23].

Функции МСП в региональной экономике можно свести к четырём. Первая — занятость: малый бизнес поглощает работников, высвобождаемых крупными предприятиями, и даёт работу тем, кто не может найти её по найму. Вторая — обслуживание местного спроса: розничная торговля, общественное питание, бытовые, ремонтные, транспортные услуги почти везде предоставляются малыми фирмами. Третья — конкуренция: МСП ограничивает рыночную власть крупных компаний на локальных рынках. Четвёртая — бюджетная: специальные налоговые режимы для МСП зачисляются в региональные и местные бюджеты и составляют заметную часть их собственных доходов. Каждой функции соответствует свой показатель развития сектора, и выбор показателя определяет, какую из функций исследователь считает главной.

Каждый показатель имеет свои ограничения, и их лучше видеть заранее (таблица 2).

Таблица 2 – Показатели развития МСП в регионе и их ограничения

Показатель	Источник	Достоинства	Ограничения
Число субъектов МСП на 1 000 жителей (плотность)	Единый реестр МСП, Росстат	Ежемесячные данные по всем регионам; сопоставимость	Учитывает формально зарегистрированных, в том числе неактивных; не учитывает масштаб
Темп прироста числа субъектов	Единый реестр МСП	Отражает текущую динамику	Чувствителен к перерегистрации и изменению критериев
Численность занятых в МСП	Реестр, Росстат	Связан с рынком труда	Лаг публикации; разные методики
Оборот МСП на душу населения	Росстат	Показывает масштаб деятельности	Публикуется с задержкой; возможна недооценка
Доля МСП в ВРП	Росстат	Сопоставима с целями политики	Оценочный характер; редкие публикации

Источник: составлено автором.

В настоящей работе основным показателем выбрана плотность — число субъектов МСП из реестра на 10 июля в расчёте на 1 000 жителей. Выбор продиктован тем, что этот показатель можно рассчитать по всем 85 регионам с сопоставимыми рядами Росстата за каждый год периода, а июльская дата снимает эффект «мёртвых душ», накопившихся в реестре за полгода. Вторым показателем служит темп прироста числа субъектов за 2021–2025 гг. Он отражает не уровень, а движение и позволяет проверить, сближаются ли регионы.

Плотность рассчитывается по простой формуле:

$$D_{it} = \frac{N_{it}}{P_i} \cdot 1000 \quad (1)$$

где D — плотность МСП в регионе i в году t, субъектов на 1 000 жителей; N — число субъектов МСП в реестре на 10 июля года t; P — среднегодовая численность населения региона за 2024 г., чел.

Использование постоянной численности населения за 2024 г. — сознательное упрощение. За 2021–2025 гг. население большинства регионов

изменилось менее чем на 2 %, поэтому изменение D_it почти целиком определяется изменением числа субъектов, а не демографией. Там, где население менялось сильнее, например в Московской и Ленинградской областях, это оговаривается в анализе.

Отдельный вопрос — самозанятые. С 2019 г. в России действует специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» [4]. Плательщики НПД без статуса ИП не входят в реестр МСП, хотя с 2020 г. на них распространены меры поддержки, предусмотренные Законом № 209-ФЗ [2]. Часть самозанятых — это микробизнес, который в другой налоговой системе был бы ИП. Поэтому рост числа самозанятых может частично замещать рост числа ИП, и сопоставлять регионы только по реестру надо с этой оговоркой.

Сектор МСП в регионе — это ещё и структура. На 10 июля 2026 г. микропредприятия составляли 6 346 411 из 6 612 445 субъектов, малые — 241 714, средние — 24 320 [16]. Средние предприятия растут быстрее всех (на 9,8 % за год), но их доля по-прежнему около 0,4 %. Для региональной политики это значит, что увеличение числа субъектов и увеличение экономического веса сектора — разные задачи, и инструменты для них тоже нужны разные.

1.2 Факторы пространственного распределения предпринимательской активности: теоретические подходы и эмпирические исследования

Объяснения того, почему предпринимательская активность сосредоточена в одних местах и почти отсутствует в других, можно разделить на пять групп: спросовые, агломерационные, факторы рынка труда и человеческого капитала, финансовые и институциональные. К ним в последние годы добавилась шестая — экосистемная, которая пытается собрать предыдущие в одну конструкцию. Классификация условна: один и

тот же показатель, например доход населения, может работать и как фактор спроса, и как фактор доступности стартового капитала.

Рисунок 1 – Группы региональных факторов развития МСП

Источник: составлено автором по [24, 46, 53, 59].

Спросовые факторы. Самый простой и самый устойчивый результат эмпирических работ — новые фирмы появляются там, где растёт спрос. В сравнительном исследовании П. Рейнольдса, Д. Стори и П. Уэстхеда, охватившем шесть европейских стран и США, рост спроса и доля городского населения оказались наиболее надёжными предикторами уровня создания фирм [53]. Д. Одретч и М. Фрич на данных по районам Германии показали ту же связь и обратили внимание на роль структуры экономики: где больше малых фирм, там легче появляются новые [31]. Для России спросовая гипотеза особенно правдоподобна, поскольку подавляющая часть МСП работает в торговле и услугах, то есть продаёт местному населению.

Агломерационные факторы. Ещё А. Маршалл описал выгоды, которые получают фирмы, расположенные рядом: общий рынок квалифицированного труда, доступ к поставщикам и перетоки знаний. П. Кругман, опираясь на маршаллианские внешние эффекты, формализовал эти идеи в модели «ядро — периферия», где возрастающая отдача от масштаба и транспортные издержки ведут к концентрации производства в крупных центрах [48]. Для предпринимательства агломерация означает больше

клиентов, больше поставщиков и больше примеров успешного бизнеса. Э. Глейзер и У. Керр на данных по американским городам показали, что лучшим предиктором создания новых производственных фирм служит наличие множества небольших поставщиков [46]. В более поздней работе с С. Керр они использовали близость к историческим месторождениям угля и железной руды как инструмент и показали, что города с исторически сложившимся мелким бизнесом и спустя десятилетия растут быстрее по занятости [45].

Агломерационный эффект проявляется не только в масштабе. Э. Глейзер, У. Керр и Дж. Понцетто показали, что в американских городах предпринимательство кластеризуется: районы с большим числом мелких фирм и стартапов притягивают новых предпринимателей, а сама по себе высокая плотность населения объясняет лишь часть различий [44]. М. Фельдман, анализируя «предпринимательское событие» в региональном контексте, подчеркнула, что предприниматели не просто реагируют на сложившуюся среду, но и сами создают её, формируя вокруг себя институты, сети и рынки [40]. Для региональной политики из этого следует, что агломерационное преимущество имеет кумулятивный характер и с трудом переносится на другие территории.

Рынок труда и человеческий капитал. Влияние безработицы на предпринимательство теоретически двойственно. С одной стороны, безработица «выталкивает» людей в самозанятость, потому что альтернативы найма нет. С другой — высокая безработица означает слабый спрос и небогатое население, то есть плохие условия для любого бизнеса. Р. Тюрик, М. Карре, А. ван Стел и Д. Одретч на данных по 23 странам ОЭСР разделили эти эффекты: рост самозанятости снижает последующую безработицу («шумпетерианский» эффект), а рост безработицы немного увеличивает последующую самозанятость («эффект беженца»), причём первый эффект сильнее [59]. Человеческий капитал действует однозначнее. С. Ли, Р. Флорида и З. Акс нашли, что уровень создания фирм в регионах США связан

с долей людей с высшим образованием и с показателями креативности территории [49].

Важно, что знак связи зависит от типа данных. Д. Стори в обзоре эмпирических работ о влиянии безработицы на создание фирм обратил внимание на парадокс: исследования временных рядов чаще находят положительную связь, а пространственные сравнения регионов — отрицательную или незначимую [58]. В бедных регионах с высокой безработицей фирм мало, но в годы роста безработицы их создаётся больше. Этот парадокс, как будет показано в третьей главе, воспроизводится и на российских данных 2021–2025 гг. Ещё один демографический фактор — динамика населения. Х. Дельфман, С. Костер, Ф. Маккэнн и Я. ван Дейк показали на данных Нидерландов, что сокращение населения снижает создание новых фирм прежде всего в сельских районах [37].

Финансовые факторы. Д. Эванс и Б. Йованович показали, что при несовершенном рынке капитала решение стать предпринимателем зависит от личного богатства: бедные домохозяйства не могут начать бизнес, даже если у них есть способности [39]. Т. Бек и А. Демиргюч-Кунт на международных данных подтвердили, что недоступность финансирования ограничивает рост малых фирм сильнее, чем крупных [36]. В региональном разрезе это проявляется через доходы населения как источник стартового капитала и через доступность банковских услуг. В модели В. А. Бариновой, С. П. Земцова и Ю. В. Царёвой для российских регионов доступность банковских услуг оказалась одним из значимых факторов развития малого бизнеса [24].

Межстрановые сравнения дают сходную картину. М. Айягари, Т. Бек и А. Демиргюч-Кунт, сопоставив данные по 76 странам, показали, что доля МСП в занятости выше там, где лучше деловой климат, хотя прямую причинную связь установить трудно [33]. У. Керр и Р. Нанда на примере дерегулирования банковского сектора в штатах США обнаружили, что облегчение доступа к кредиту резко увеличивает число входов на рынок, но значительная часть новых фирм быстро закрывается [47]. Иными словами,

финансовая доступность увеличивает «поток», но не обязательно «запас» успешных компаний.

Институциональные факторы. У. Баумоль предложил различать производительное, непроизводительное и разрушительное предпринимательство и утверждал, что общее число предприимчивых людей мало меняется, а институты определяют, куда направится их энергия [35]. Д. Норт показал, что институты как «правила игры» задают издержки трансакций и тем самым — выгодность того или иного поведения [50]. Р. Айдис, С. Эстрин и Т. Мицкевич в сравнительном исследовании показали, что низкий уровень предпринимательской активности в России по сравнению с другими странами связан с институциональной средой: слабой защитой прав собственности, коррупцией, неформальными связями бизнеса и власти [30]. Для российских регионов эту гипотезу проверили В. А. Баринова, С. П. Земцов и Ю. В. Царёва: высокие инвестиционные риски и распространённость экономических преступлений сдерживают малый бизнес, а значимого влияния государственной поддержки они не обнаружили [24].

С. Эстрин, Ю. Коростелёва и Т. Мицкевич уточнили, какие именно институты важны: слабая защита прав собственности и коррупция в наибольшей степени подавляют не само создание фирм, а намерения предпринимателей расти и нанимать работников [38]. Это наблюдение имеет прямое отношение к российским регионам, где рост числа микропредприятий сочетается с медленным увеличением числа малых и средних.

Историческая устойчивость. М. Фрич и М. Вирвих на данных по Германии за 1925–2005 гг. обнаружили поразительную вещь: региональные различия в уровне самозанятости сохранялись на протяжении восьми десятилетий, пережив войну, раздел страны и социалистический период в восточных землях [43]. Это говорит о том, что предпринимательская культура передаётся между поколениями и плохо поддаётся быстрому

изменению. Для России с её прерванной в советское время традицией частного бизнеса этот результат означает, что различия 1990-х годов могли во многом определить нынешнюю картину.

Для чего вообще нужно больше предпринимателей? Ответ на этот вопрос дали исследования влияния предпринимательства на региональное развитие. С. Веннекерс и Р. Тюрик систематизировали каналы, через которые предпринимательство влияет на экономический рост: инновации, конкуренцию, переток знаний [60]. З. Акс и К. Армингтон на данных по рынкам труда городов США показали, что более высокий уровень создания фирм связан с последующим ростом занятости [29]. Д. Одретч и М. Кайльбах ввели понятие «предпринимательского капитала» региона и нашли его положительную связь с производительностью [32]. М. Фрич и П. Мюллер уточнили, что эффект новых фирм на занятость в регионе развивается волнообразно и проявляется в полной мере лишь через несколько лет [41]. Обзор Р. Штернберга, посвящённый региональному измерению предпринимательства, показывает, что за двадцать лет исследований этот вывод воспроизводился неоднократно [57].

Экосистемный подход. Концепция предпринимательской экосистемы рассматривает регион как сеть взаимосвязанных участников: предпринимателей, инвесторов, университетов, органов власти, крупных компаний. Э. Стам в «сочувственной критике» этой концепции указал, что экосистемный подход хорош как описание, но слабо формализован, а его рекомендации нередко сводятся к перечислению всех хороших вещей сразу [56]. Б. Шпигель предложил рассматривать экосистему как совокупность культурных, социальных и материальных атрибутов, которые поддерживают друг друга [55]. З. Акс, Э. Аутио и Л. Сёрб построили на этой основе индекс национальных систем предпринимательства, связав индивидуальные установки с качеством институтов [61].

М. Фрич и Д. Стори, подводя итог нескольким десятилетиям исследований, отметили, что региональная наука о предпринимательстве

прошла путь от простого подсчёта новых фирм к изучению их качества, выживаемости и роста, и что для политики важнее второе [42]. С. Паркер в систематическом изложении экономики предпринимательства приходит к похожему выводу: число предпринимателей — плохой показатель успеха политики, если не учитывать, сколько из них выживают и растут [52].

Обобщение эмпирических результатов приведено в таблице 3. В неё включены работы, на которые опирается дальнейший анализ.

Таблица 3 – Эмпирические исследования региональных факторов предпринимательства

Авторы, год	**Данные**	**Ключевой результат**
П. Рейнольдс, Д. Стори, П. Уэстхед, 1994	Регионы 6 стран ЕС и США	Рост спроса и урбанизация — самые устойчивые факторы создания фирм
Д. Одретч, М. Фрич, 1994	Районы Германии	Создание фирм выше там, где больше малых предприятий и выше спрос
Р. Тюрик и др., 2008	23 страны ОЭСР	Самозанятость снижает последующую безработицу; обратный эффект слабее
Э. Глейзер, У. Керр, 2009	Города США	Наличие множества мелких поставщиков — лучший предиктор новых фирм
М. Фрич, М. Вирвих, 2014	Районы Германии, 1925–2005	Региональные различия в самозанятости сохраняются десятилетиями
В. Баринова, С. Земцов, Ю. Царёва, 2018	Регионы России	Риски и преступность снижают, доступ к банкам и рынкам повышает развитие МСП; господдержка незначима

Источник: составлено автором по [24, 31, 43, 46, 53, 59].

Российские исследования факторов регионального развития в основном согласуются с зарубежными, но имеют свою специфику. С. П. Земцов и Ю. А. Смелов, анализируя факторы роста ВРП, показали, что географическое положение и человеческий капитал объясняют межрегиональные различия сильнее, чем региональная политика, а эффекты политики становятся заметны лишь на длинных интервалах [26]. Эксперты Института Гайдара В. А. Баринова и П. А. Леваков обратили внимание, что в 2022 г. число

субъектов МСП росло быстрее всего в республиках Северного Кавказа — Чечне (+17,2 %), Ингушетии (+11,9 %) и Дагестане (+8,2 %), — и объяснили это низкой базой и выходом бизнеса из тени под влиянием мер поддержки [23]. Эту гипотезу легализации важно держать в уме при интерпретации регрессий: рост числа субъектов в реестре не всегда означает рост реальной деловой активности.

Из обзора следуют гипотезы, которые проверяются во второй и третьей главах. Первая: плотность МСП выше в регионах с высокими доходами населения и в крупных агломерациях (спросовая и агломерационная гипотезы). Вторая: высокая безработица связана с меньшей плотностью МСП в пространственном срезе. Третья: в динамике регионы с низкой исходной плотностью растут быстрее, то есть наблюдается конвергенция. Четвёртая, институциональная, гипотеза в работе проверяется косвенно, через остатки регрессионной модели, поскольку сопоставимых свежих показателей качества институтов по всем регионам в открытом доступе нет.

1.3 Институциональная среда и государственная поддержка МСП в России

Система поддержки МСП в России складывалась тридцать лет и прошла несколько этапов. В 1990-е годы малый бизнес возник стихийно, во многом на основе челночной торговли и кооперативов, и государство ограничивалось его регистрацией. В 2000-е появились упрощённая система налогообложения и единый налог на вменённый доход, а Закон № 209-ФЗ 2007 г. впервые закрепил понятие инфраструктуры поддержки и полномочия органов власти всех уровней [2]. После 2014 г. акцент сместился на финансовую поддержку и доступ к закупкам крупных компаний.

Стратегическую рамку задают несколько документов. Стратегия развития МСП в Российской Федерации на период до 2030 года утверждена распоряжением Правительства РФ от 2 июня 2016 г. № 1083-р [7]. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом

планировании в Российской Федерации» требует согласовывать региональные стратегии с федеральными [3]. Пространственное измерение политики определяет Стратегия пространственного развития Российской Федерации [9]. Наконец, Указ № 309 переводит цели в сферу МСП на язык национальных показателей, причём главным ориентиром становится не число субъектов, а доход на одного работника [6].

Инструменты поддержки можно сгруппировать по каналам воздействия (таблица 4).

Таблица 4 – Основные инструменты поддержки МСП и уровень их реализации

Канал воздействия	Инструменты	Уровень
Налоговый	Упрощённая система налогообложения с правом регионов снижать ставки; патентная система; налог на профессиональный доход	Федеральный, региональный
Финансовый	Льготное кредитование с субсидированием ставки; поручительства региональных гарантийных организаций; микрозаймы	Федеральный, региональный
Имущественный	Перечни государственного и муниципального имущества для льготной аренды	Региональный, муниципальный
Информационно-консультационный	Центры «Мой бизнес», цифровая платформа МСП	Федеральный, региональный
Рыночный	Квоты закупок крупнейших заказчиков у МСП	Федеральный

Источник: составлено автором по [1, 2, 7].

Налоговый канал — самый широкий по охвату. Налоговый кодекс позволяет субъектам РФ снижать ставку упрощённой системы налогообложения для объекта «доходы» с 6 % до 1 %, а для объекта «доходы минус расходы» с 15 % до 5 % [1]. На практике это открывает возможность для налоговой конкуренции регионов, и часть роста числа ИП в отдельных субъектах, по-видимому, объясняется именно перерегистрацией бизнеса туда, где ставки ниже. Режим налога на профессиональный доход, введённый

Федеральным законом от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ, начал действовать с 2019 г. в четырёх субъектах — Москве, Московской и Калужской областях и Республике Татарстан, — а затем был распространён на всю страну [4].

Финансовый канал в последние годы стал главным. Программа льготного кредитования МСП, действующая на основании постановления Правительства РФ от 30 декабря 2018 г. № 1764, предусматривает субсидирование банкам выпадающих доходов по кредитам МСП по льготной ставке [8]. Вокруг неё выстроена национальная гарантийная система: АО «Корпорация «МСП» и региональные гарантийные организации предоставляют поручительства по кредитам тем, кому не хватает залога. Банк России публикует данные о кредитовании МСП в разрезе регионов, и они показывают, что кредит распределён по территории ещё неравномернее, чем сами субъекты. На 1 августа 2022 г. задолженность МСП по кредитам составляла 7,95 трлн руб., из них 2,11 трлн руб., или около 26,5 %, приходилось на Москву [11], тогда как доля столицы в числе субъектов реестра на 10 июля 2022 г. была 13,4 % [12].

Региональный уровень располагает собственными рычагами: льготная аренда государственного имущества, субсидии на возмещение затрат, гранты молодым предпринимателям и социальным предприятиям, региональные микрофинансовые организации и фонды. Объём этих ресурсов напрямую зависит от бюджетной обеспеченности региона, поэтому богатые регионы поддерживают бизнес щедрее. Здесь возникает парадокс, о котором писали С. П. Земцов и В. А. Баринова: политика выравнивания, распределяющая средства в пользу отстающих регионов, может давать меньший эффект, чем политика, опирающаяся на сильные стороны каждой территории [25].

Реестр МСП выполняет в этой системе роль «пропуска». Получить большую часть мер поддержки — льготный кредит, поручительство, льготную аренду, субсидию — может только субъект, сведения о котором содержатся в реестре [2]. Поэтому у предпринимателей есть сильный стимул не выпадать из реестра, а у регионов — стимул наращивать число

зарегистрированных субъектов, поскольку от этого зависят и показатели региональных программ, и аргументы при распределении федеральных средств. Этот стимул, как будет показано во второй главе, отчасти объясняет регистрационные скачки в отдельных субъектах РФ.

На региональном уровне поддержка организована через инфраструктуру, которую Закон № 209-ФЗ определяет как совокупность организаций, создаваемых или привлекаемых для реализации программ развития МСП [2]. В типичном субъекте РФ она включает центр «Мой бизнес», объединяющий консультационные услуги, региональную гарантийную организацию, государственную микрофинансовую организацию, фонд поддержки экспорта, иногда — промышленные парки и бизнес-инкубаторы. Набор организаций во всех регионах похож, а их ресурсы различаются в десятки раз. Это порождает асимметрию: в богатом регионе центр «Мой бизнес» может предлагать гранты и льготные займы, в бедном — в основном консультации и помощь с регистрацией.

Отдельно надо сказать о муниципальном уровне. Органы местного самоуправления формально обладают полномочиями по поддержке МСП, но их бюджеты в большинстве случаев слишком малы для финансовых мер. В результате муниципальная поддержка сводится к предоставлению помещений в аренду и к информационной работе, хотя именно на этом уровне лучше всего видны барьеры, с которыми сталкивается малый бизнес: подключение к сетям, размещение нестационарной торговли, транспортная доступность.

Эффективность поддержки остаётся предметом споров. В уже упомянутой модели В. А. Бариновой и соавторов объём государственной поддержки МСП не оказался значимым фактором развития малого бизнеса в регионах [24]. Это не доказывает, что поддержка бесполезна. Скорее, она слишком мала по сравнению с действием рыночных факторов, и к тому же распределяется в пользу регионов, где бизнес и так развит. Для настоящей работы отсюда следует методический вывод: оценивать влияние поддержки

по простой корреляции нельзя, а сосредоточиться стоит на структурных факторах, которые политика может изменить лишь в долгосрочной перспективе.

Отдельно надо сказать о периоде, который анализируется в диссертации. 2020 г. стал для МСП кризисным: по данным Института Гайдара, к октябрю 2020 г. число субъектов МСП, включая ИП, сократилось до 5,62 млн против 5,84 млн годом ранее [23]. Затем последовали санкционный шок 2022 г., уход части иностранных компаний и перестройка логистики. Одновременно быстро росли электронная торговля и маркетплейсы, которые снизили издержки входа для микробизнеса. На этом фоне регионы России оказались в разных стартовых условиях, и вопрос о том, какие из этих условий связаны с развитием МСП, получает новые данные для ответа.

Подводя итог первой главе, можно сформулировать исходные позиции исследования. Развитие МСП в регионе — многомерное явление, но для межрегиональных сравнений по всем субъектам РФ на практике доступен главным образом показатель плотности субъектов реестра, и его надо рассчитывать по июльским срезам. Теория и зарубежная эмпирика указывают на спрос, агломерацию, рынок труда, доступ к финансам и институты как на основные группы факторов, причём связь с безработицей может менять знак в зависимости от того, изучаются ли пространственные различия или изменения во времени. Российская система поддержки МСП охватывает все каналы воздействия, но её эффект на межрегиональные различия неочевиден. Эти позиции определяют выбор показателей, методов и гипотез во второй и третьей главах.

2. Региональная дифференциация развития МСП в России в 2021–2026 гг.

2.1 Информационная база и система показателей

Эмпирическая часть работы опирается на два массива данных. Первый — сведения Единого реестра субъектов МСП о числе субъектов по каждому субъекту РФ на 10 июля 2021, 2022, 2023, 2024, 2025 и 2026 гг., а также на 10 января 2024 и 2025 гг. Сам реестр ведёт ФНС России [10], а сводные таблицы по регионам с разбивкой на юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и категории предприятий ежегодно публикует ОПОРА РОССИИ [12, 14, 15, 16]. Каждая такая таблица содержит значения на две даты, поэтому ряды можно сверить между публикациями. Автор сверил суммы по регионам с итогами по федеральным округам: для всех восьми округов и всех трёх использованных дат расхождений нет.

Второй массив — региональные показатели Росстата: среднегодовая численность населения за 2024 г. [17], валовой региональный продукт на душу населения за 2024 г. [18], среднедушевые денежные доходы населения в месяц за 2025 г. [19] и уровень безработицы за 2025 г. по методологии МОТ [20]. Данные взяты в той форме, в которой их воспроизводит открытая база Statbase со ссылкой на Росстат. Для четырёх новых субъектов РФ эти показатели не публикуются, поэтому они исключены из межрегионального анализа. В реестре они выделены в отдельную группу «Юго-Западные субъекты» с 119 954 субъектами МСП на 10 июля 2026 г. [16].

Итоговая выборка включает 85 субъектов РФ. Автономные округа, входящие в состав Тюменской и Архангельской областей, рассматриваются как самостоятельные единицы, а показатели Тюменской и Архангельской областей берутся без автономных округов, как это сделано и в реестре, и в данных Росстата. Описательные статистики переменных приведены в таблице 5.

Таблица 5 – Описательные статистики переменных (85 субъектов РФ)

Переменная	Среднее	Медиана	Минимум	Максимум
Плотность МСП на 10.07.2021, ед. на 1 000 жит.	35,3	35,4	8,1 (Ингушетия)	59,7 (Санкт-Петербург)
Плотность МСП на 10.07.2025, ед. на 1 000 жит.	39,3	38,4	12,0 (Ингушетия)	105,9 (Калмыкия)
Прирост числа МСП за 2021–2025 гг., %	13,8	7,0	−2,3 (Псковская обл.)	223,1 (Калмыкия)
ВРП на душу населения за 2024 г., тыс. руб.	1 364	842	205 (Ингушетия)	14 251 (Ненецкий АО)
Среднедушевые доходы за 2025 г., руб. в месяц	67 380	58 305	30 449 (Ингушетия)	216 291 (Чукотский АО)
Уровень безработицы за 2025 г., %	2,7	1,9	0,8 (Москва)	25,4 (Ингушетия)

Источник: расчёты автора по данным [12, 16, 17, 18, 19, 20].

Распределения большинства переменных сильно скошены вправо. Среднее ВРП на душу населения в 1,6 раза выше медианы из-за нефтегазовых автономных округов, у которых душевой продукт измеряется миллионами рублей. По той же причине в регрессиях используются логарифмы ВРП, доходов и безработицы. Это обычная практика: логарифм сжимает «хвосты» и позволяет трактовать коэффициенты как эластичности.

Отдельно стоит Республика Калмыкия. Число субъектов МСП в ней выросло с 8 754 на 10 июля 2021 г. до 28 282 на 10 июля 2025 г., то есть в 3,2 раза. Особенно резким был скачок 2023–2024 гг.: с 13 837 до 22 231, на 60,7 % [14]. Ни численность населения, ни доходы, ни ВРП республики за эти годы так не менялись. Плотность 105,9 субъекта на тысячу жителей почти вдвое выше, чем в Москве. Такой рост, по-видимому, имеет регистрационную природу: в реестре учитывается место регистрации ИП и юридического лица, а не место фактической деятельности. Проверить эту гипотезу на открытых данных нельзя, поэтому в регрессионном анализе модели оцениваются и по полной выборке, и без Калмыкии.

Данные реестра имеют известные ограничения, и их нужно учитывать при интерпретации. Реестр фиксирует юридическое место регистрации субъекта, а не место ведения деятельности: сетевая компания с магазинами в десяти регионах учитывается один раз, в регионе регистрации. ИП, переехавший в другой регион, может долго числиться по старому адресу. Наконец, реестр не различает активных и формально существующих предпринимателей: ИП, не получивший дохода за год, остаётся в реестре, если вовремя сдал отчётность. Все эти искажения сильнее в крупных агломерациях, куда стягиваются регистрации, и в регионах с низкими налоговыми ставками.

Показатели Росстата имеют свои ограничения. ВРП на душу населения за 2024 г. — предварительная оценка, а для регионов с вахтовой занятостью и штаб-квартирами крупных компаний он плохо отражает благосостояние жителей. Среднедушевые денежные доходы лучше подходят для оценки платёжеспособного спроса, но тоже включают оценку скрытых доходов. Уровень безработицы рассчитывается по выборочному обследованию рабочей силы, и для малых регионов ошибка выборки может быть заметной. По этим причинам в работе используются сразу несколько показателей, а выводы проверяются на подвыборках.

Методика исследования состоит из пяти этапов (рисунок 2).

Рисунок 2 – Этапы эмпирического исследования

Помимо плотности (формула 1), используются ещё три расчётных показателя. Темп прироста числа субъектов за период определяется обычным образом, а концентрация МСП по регионам измеряется индексом Херфиндаля — Хиршмана:

$$HHI_t = \sum_{i=1}^{n} \left(100 \cdot \frac{N_{it}}{\sum_j N_{jt}} \right)^2 \quad (2)$$

где N — число субъектов МСП в регионе i (j) на дату t; n = 85. Индекс принимает значения от 10 000/n при равном распределении до 10 000 при сосредоточении всех субъектов в одном регионе.

Индекс Херфиндаля — Хиршмана отражает концентрацию в абсолютных величинах и поэтому зависит от размеров регионов. Чтобы учесть различия в численности населения, рассчитывается коэффициент локализации, то есть отношение доли территории в числе субъектов МСП к её доле в населении:

$$LQ_i = \frac{N_i / \sum_j N_j}{P_i / \sum_j P_j} \quad (3)$$

где N — число субъектов МСП в регионе (округе) i (j); P — численность населения. Значение больше единицы означает, что МСП в регионе представлено сильнее, чем в среднем по стране.

Наконец, для проверки конвергенции используется стандартное отклонение логарифма плотности по регионам (σ-конвергенция) и регрессия прироста на начальный уровень (β-конвергенция) в духе работы Р. Барро и Х. Сала-и-Мартина [34]. Если со временем стандартное отклонение снижается, а коэффициент при начальном уровне отрицателен, то регионы с низкой плотностью догоняют лидеров.

2.2 Динамика числа субъектов МСП по федеральным округам

За пять лет число субъектов МСП в 85 регионах выросло на 11,5 %: с 5,62 млн на 10 июля 2021 г. до 6,27 млн на 10 июля 2025 г. и до 6,49 млн на 10 июля 2026 г. Если добавить новые субъекты РФ, итог по стране на последнюю дату составляет 6 612 445 [16]. Динамика по федеральным округам представлена в таблице 6.

Таблица 6 – Число субъектов МСП по федеральным округам на 10 июля, тыс. ед.

Федеральный округ	2021	2022	2023	2024	2025	2026
Центральный	1 756,6	1 802,8	1 878,9	1 947,5	1 985,9	2 046,2
Северо-Западный	650,0	649,0	665,5	685,0	705,7	731,3
Южный	662,9	658,0	680,8	714,8	742,7	768,8
Северо-Кавказский	191,0	193,5	206,1	223,8	243,6	258,9
Приволжский	996,9	997,6	1 024,8	1 069,0	1 111,6	1 154,8
Уральский	477,7	478,8	493,4	510,2	526,2	543,6
Сибирский	591,4	585,9	599,5	618,0	633,0	654,4
Дальневосточный	297,1	292,6	298,6	310,9	322,6	334,3
Итого по 8 округам	5 623,6	5 658,3	5 847,6	6 079,2	6 271,4	6 492,5
Новые субъекты РФ	–	–	76,7	99,5	118,6	120,0

Источник: составлено автором по данным Единого реестра субъектов МСП в публикациях [12, 14, 16].

Период отчётливо делится на две фазы. В 2021–2022 гг. число субъектов почти не росло: прирост за год составил 0,6 %, а в четырёх округах — Северо-Западном, Южном, Сибирском и Дальневосточном — число субъектов сократилось. Это последствия пандемии и первого года санкционного давления, когда закрывались торговые точки и сервисные компании, а новые решались открываться немногие. С 2023 г. началась фаза устойчивого роста на 3–4 % в год. Её двигатели — рост потребительского спроса на фоне увеличения номинальных доходов, перестройка импорта и развитие торговли через маркетплейсы, которая сделала регистрацию ИП практически обязательной для продавцов.

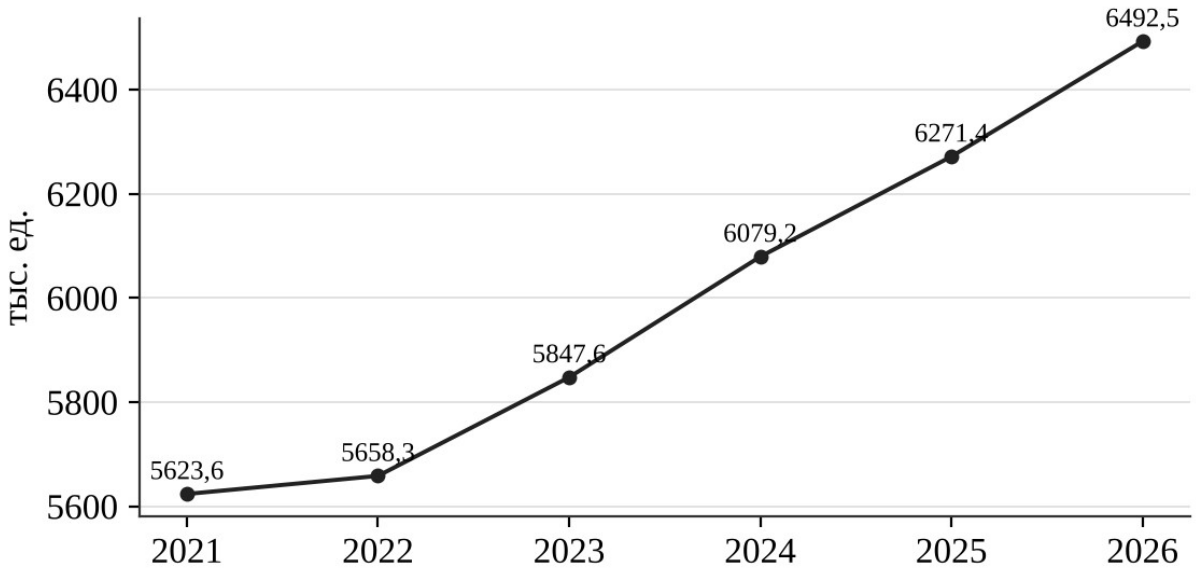

Рисунок 3 – Число субъектов МСП в 85 субъектах РФ на 10 июля, тыс. ед.

Источник: составлено автором по [12, 14, 16].

Темпы роста по округам различались сильнее, чем уровни (таблица 7). Северо-Кавказский округ рос быстрее всех каждый год начиная с 2022 г., причём в 2024 г. его темп достигал 8,9 %. Центральный округ, где сосредоточена почти треть всех МСП, напротив, в 2025 г. показал лишь 2,0 %. Это заметное замедление на фоне 3,6 % годом ранее, и почти полностью оно объясняется Москвой. Число субъектов в столице на 10 июля 2025 г. выросло всего на 1,1 % (с 834,7 до 843,9 тыс.), тогда как годом ранее прирост составлял 4,1 % [14, 16].

Таблица 7 – Темпы прироста числа субъектов МСП по федеральным округам, % к 10 июля предыдущего года

Федеральный округ	2022	2023	2024	2025	2026	2021–2025
Центральный	2,6	4,2	3,6	2,0	3,0	13,1
Северо-Западный	−0,2	2,5	2,9	3,0	3,6	8,6
Южный	−0,7	3,5	5,0	3,9	3,5	12,0
Северо-Кавказский	1,3	6,5	8,6	8,9	6,3	27,6
Приволжский	0,1	2,7	4,3	4,0	3,9	11,5
Уральский	0,2	3,0	3,4	3,1	3,3	10,1
Сибирский	−0,9	2,3	3,1	2,4	3,4	7,0
Дальневосточный	−1,5	2,0	4,1	3,8	3,6	8,6
Итого по 8 округам	0,6	3,3	4,0	3,2	3,5	11,5

Источник: расчёты автора по данным таблицы 6.

Если посмотреть на вклад в общий прирост, картина становится ещё нагляднее. Из 647,7 тыс. субъектов, на которые выросло число МСП в 85 регионах за 2021–2025 гг., 31,2 % пришлось на Москву и Московскую область, хотя их доля в населении страны около 15 %. Северо-Кавказский округ дал 8,1 % прироста при 7 % населения. Иными словами, лидеры по темпам и лидеры по абсолютному приросту — разные регионы: на Кавказе быстро растёт небольшая база, в столичном регионе медленнее растёт огромная.

Внутри округов разброс тоже велик. В Центральном округе медианный прирост регионов за 2021–2025 гг. составил лишь 4,9 %, то есть высокий итог округа обеспечили Москва (+16,9 %) и Московская область (+22,2 %), а Брянская и Курская области потеряли часть субъектов. В Северо-Западном округе контраст ещё резче: Ленинградская область выросла на 26,5 %, а Республика Коми, Архангельская, Вологодская и Псковская области — сократились. Всего уменьшение числа МСП за пять лет зафиксировано в восьми регионах, причём семь из них расположены в европейской части страны, вдали от крупных агломераций. Для Курской и Брянской областей нельзя исключать и влияние приграничного положения.

В других округах лидеры роста тоже неочевидны. В Приволжском округе впереди Удмуртская Республика (+32,8 %) и Республика Мордовия

(+24,7 %), тогда как крупные промышленные Самарская и Нижегородская области прибавили лишь 6–7 %. В Уральском округе быстрее всех росли Тюменская (+17,8 %) и Курганская (+14,6 %) области, а нефтегазовые автономные округа — медленнее остальных. В Сибирском округе резко выделяется Республика Тыва (+38,8 %), а Томская и Омская области выросли менее чем на 5 %. В Дальневосточном округе лидируют Забайкальский край (+22,2 %) и Чукотский автономный округ (+20,1 %), а Сахалинская область — единственный регион округа с сокращением. В Южном округе, кроме аномальной Калмыкии, быстрее всех росли Адыгея (+15,5 %) и Краснодарский край (+14,3 %), а Крым и Севастополь почти не изменились. Почти в каждом округе быстрее растут либо регионы с низкой базой, либо регионы при крупной агломерации, и реже всего — старопромышленные и ресурсные территории.

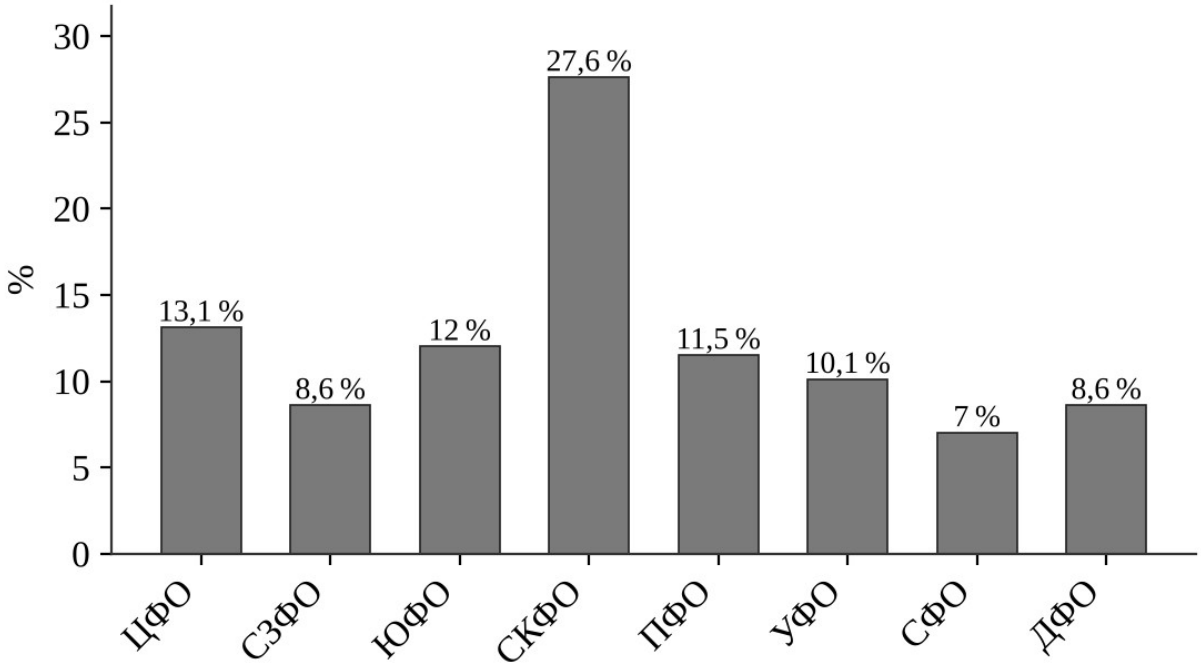

Рисунок 4 – Прирост числа субъектов МСП за 10.07.2021–10.07.2025 по федеральным округам, %

Источник: расчёты автора по [12, 16].

Важная структурная тенденция — смена организационно-правовой формы. Число юридических лиц в реестре сокращается с 2021 г., а число ИП растёт быстрее, чем весь сектор (таблица 8).

Таблица 8 – Структура субъектов МСП в России на 10 июля, тыс. ед.

Показатель	2021	2022	2023	2024	2025	2026
Всего	5 623,6	5 658,3	5 924,3	6 178,7	6 389,9	6 612,4
Юридические лица	2 257,1	2 181,4	2 175,5	2 165,8	2 133,2	2 022,7
Индивидуальные предприниматели	3 366,5	3 476,9	3 748,8	4 013,0	4 256,8	4 589,8
Микропредприятия	5 390,9	5 427,1	5 689,9	5 930,8	6 132,0	6 346,4
Малые предприятия	214,9	213,5	215,8	227,3	235,8	241,7
Средние предприятия	17,8	17,8	18,6	20,7	22,1	24,3
Доля ИП, %	59,9	61,4	63,3	64,9	66,6	69,4

С 2023 г. — с учётом новых субъектов РФ. Источник: составлено автором по [12, 14, 16].

За пять лет доля ИП выросла с 59,9 до 69,4 %. Частично это результат того, что ИП дешевле в регистрации и проще в отчётности, частично — следствие роста электронной торговли, где большинство продавцов работают именно как индивидуальные предприниматели. Сокращение числа юридических лиц ускорилось в 2025–2026 гг. (−5,2 % за год) и по времени совпало с налоговой реформой 2025 г., которая, в частности, обязала плательщиков упрощённой системы с доходом свыше 60 млн руб. уплачивать НДС [5]. Для регионов последствия неодинаковы: там, где МСП представлено в основном ИП в торговле и услугах, структура меняется мало, а в промышленных регионах сокращение числа обществ с ограниченной ответственностью означает потерю части производственного малого бизнеса.

Положительный сигнал — рост числа средних предприятий: с 17,8 тыс. в 2021 г. до 24,3 тыс. в 2026 г., то есть на 36 %. Малые предприятия за тот же период выросли на 12,5 %. Это значит, что часть фирм переходит в более высокие категории, и рост сектора не сводится к увеличению числа микробизнеса. Но абсолютные цифры невелики, и средние предприятия по-прежнему составляют менее 0,4 % субъектов.

Последний год периода, с июля 2025 по июль 2026 г., подтвердил основные тенденции и добавил новые детали. Быстрее всех выросли Республика Дагестан (+10,4 %), Республика Марий Эл (+9,4 %), Чувашская Республика (+8,7 %), Чеченская Республика (+8,6 %) и Ленинградская область (+8,2 %). Сокращение зафиксировано в четырёх регионах:

Республике Тыва (−3,2 %), Республике Калмыкия (−1,2 %), Республике Мордовия (−0,7 %) и Ненецком автономном округе (−0,1 %) [16]. Остановка роста в Калмыкии после трёх лет скачков косвенно подтверждает, что её прежний рост имел разовую природу. Москва за год прибавила 2,1 %, то есть вернулась к росту после почти нулевого 2025 г.

Для анализа регионов из этой динамики следуют два методических вывода. Во-первых, сопоставлять уровни имеет смысл только по июльским срезам: январское значение 2024 г. (6 347 771) превышало июльское (6 178 737) на 169 тыс., январское 2025 г. превышало июльское на 199 тыс. [15, 16]. Разница распределена по округам неравномерно (таблица 9).

Таблица 9 – Число субъектов МСП на 10 января и 10 июля 2025 г. по федеральным округам

Федеральный округ	**10.01.2025**	**10.07.2025**	**Разница, ед.**	**Разница, % к июлю**
Центральный	2 084 724	1 985 911	98 813	5,0
Северо-Западный	725 335	705 663	19 672	2,8
Южный	752 436	742 728	9 708	1,3
Северо-Кавказский	253 025	243 636	9 389	3,9
Приволжский	1 133 188	1 111 563	21 625	1,9
Уральский	541 345	526 192	15 153	2,9
Сибирский	651 803	633 023	18 780	3,0
Дальневосточный	330 634	322 635	7 999	2,5
Итого по 8 округам	6 472 490	6 271 351	201 139	3,2

Источник: расчёты автора по [15, 16].

Картина повторяется из года в год: на 10 января 2023 г. в реестре числилось 5 991 349 субъектов [13], а на 10 июля того же года — 5 924 293 [14]. Почти половина июльского «сокращения» пришлась на Центральный округ, где январский срез превышал июльский на 5 %, а в Москве — на 7,3 %. В Южном и Приволжском округах разница не достигает 2 %. Иначе говоря, в столичном регионе особенно много субъектов, которые формально зарегистрированы, но не подтверждают статус МСП отчётностью. Если сравнить январь одного года с июлем другого, Центральный округ покажет мнимый спад, а сравнение января с январём завысит его плотность относительно остальной страны. Во-вторых, период 2021–2022 гг. для

многих регионов был периодом сокращения, поэтому темп за 2021–2025 гг. включает и восстановление после спада, и последующий рост.

2.3 Плотность предпринимательства и концентрация МСП в субъектах РФ

Абсолютное число субъектов МСП больше говорит о размере региона, чем об уровне развития предпринимательства. Поэтому основным показателем служит плотность. По 85 регионам в совокупности на 10 июля 2025 г. она составила 42,9 субъекта на 1 000 жителей против 38,5 в 2021 г., а к июлю 2026 г. выросла до 44,4. Различия между округами показаны в таблице 10.

Таблица 10 – Плотность и локализация МСП по федеральным округам

Федеральный округ	Плотность 2021, ед. на 1 000 жит.	Плотность 2025	Плотность 2026	Доля в числе МСП 2025, %	Доля в населении, %	LQ
Центральный	43,6	49,3	50,8	31,7	27,5	1,15
Северо-Западный	46,9	50,9	52,8	11,3	9,5	1,19
Южный	39,9	44,7	46,3	11,8	11,4	1,04
Северо-Кавказский	18,6	23,7	25,2	3,9	7,0	0,55
Приволжский	35,0	39,0	40,6	17,7	19,5	0,91
Уральский	38,9	42,9	44,3	8,4	8,4	1,00
Сибирский	35,8	38,3	39,6	10,1	11,3	0,89
Дальневосточный	37,8	41,0	42,5	5,1	5,4	0,96
85 субъектов РФ	38,5	42,9	44,4	100,0	100,0	1,00

Плотность рассчитана по среднегодовой численности населения за 2024 г. Источник: расчёты автора по [12, 16, 17].

Коэффициент локализации показывает, насколько сектор МСП округа «перевешивает» его население. Значения выше единицы имеют только Северо-Западный (1,19), Центральный (1,15) и Южный (1,04) округа; Уральский округ находится ровно на среднем уровне. Сибирский и Приволжский округа (0,89 и 0,91) имеют сектор МСП заметно меньше, чем можно было бы ожидать по их населению, хотя в обоих есть крупные агломерации — Новосибирская, Казанская, Нижегородская, Самарская. Это говорит о том, что за пределами столичного региона агломерационный

эффект в России слабее, чем в странах, где проводились классические исследования.

Северо-Западный и Центральный округа лидируют по плотности, но за счёт двух столиц. Без Москвы и Санкт-Петербурга картина выравнивается, и, например, Северо-Западный округ оказывается разделён на быстро растущую Ленинградскую область и несколько регионов с сокращающимся числом МСП. Северо-Кавказский округ имеет вдвое меньшую плотность, чем в среднем по стране, и коэффициент локализации 0,55. За пять лет его плотность выросла с 18,6 до 25,2, то есть разрыв с остальной страной сокращается, но остаётся очень большим.

На уровне регионов разброс значительно шире. Десять регионов с наибольшей и наименьшей плотностью приведены в таблице 11, полный перечень — в приложении А.

Таблица 11 – Регионы с наибольшей и наименьшей плотностью МСП на 10.07.2025

Регион	**Плотность, ед. на 1 000 жит.**	**Прирост 2021–2025, %**	**Регион**	**Плотность, ед. на 1 000 жит.**	**Прирост 2021–2025, %**
Респ. Калмыкия	105,9	223,1	Респ. Ингушетия	12,0	48,5
г. Санкт-Петербург	65,5	9,6	Чеченская Респ.	17,1	94,6
г. Москва	63,9	16,9	Респ. Дагестан	17,7	56,2
Калининградская обл.	56,4	9,2	Кабардино-Балкарская Респ.	23,8	23,1
Новосибирская обл.	52,9	6,9	Еврейская АО	25,6	2,2
Краснодарский край	52,1	14,3	Респ. Северная Осетия – Алания	26,9	21,2
Камчатский край	51,8	2,7	Кемеровская обл. – Кузбасс	27,6	7,0
Удмуртская Респ.	51,1	32,8	Респ. Тыва	28,4	38,8
Московская обл.	50,8	22,2	Карачаево-Черкесская Респ.	28,8	28,0
Магаданская обл.	49,5	4,7	Забайкальский край	30,3	22,2

Источник: расчёты автора по [12, 16, 17].

Разброс внутри федеральных округов часто больше, чем между ними (таблица 12). В Южном округе плотность различается в 3,4 раза — от 31,0 в

Астраханской области до 105,9 в Калмыкии, а без неё — в 1,7 раза. В Северо-Кавказском округе максимум (Ставропольский край, 34,6) почти втрое выше минимума (Ингушетия, 12,0). Наиболее однороден Уральский округ, где все регионы, кроме Курганской области, имеют плотность от 34,6 до 49,3.

Таблица 12 – Межрегиональный разброс плотности МСП внутри федеральных округов на 10.07.2025

Федеральный округ	**Число регионов**	**Минимум**	**Максимум**	**Отношение max/min**
Центральный	18	31,2 (Тамбовская обл.)	63,9 (Москва)	2,0
Северо-Западный	11	34,0 (Псковская обл.)	65,5 (Санкт-Петербург)	1,9
Южный	8	31,0 (Астраханская обл.)	105,9 (Калмыкия)	3,4
Северо-Кавказский	7	12,0 (Ингушетия)	34,6 (Ставропольский край)	2,9
Приволжский	14	32,0 (Саратовская обл.)	51,1 (Удмуртия)	1,6
Уральский	6	30,7 (Курганская обл.)	49,3 (Свердловская обл.)	1,6
Сибирский	10	27,6 (Кузбасс)	52,9 (Новосибирская обл.)	1,9
Дальневосточный	11	25,6 (ЕАО)	51,8 (Камчатский край)	2,0

Плотность — субъектов МСП на 1 000 жителей. Источник: расчёты автора по [16, 17].

Среди лидеров выделяются три типа регионов. Первый — столицы и их пригороды, где высоки доходы и концентрирован спрос. Второй — регионы с особым положением или крупным городом-центром: Калининградская область, Новосибирская область, Краснодарский край. Третий — малонаселённые северные и дальневосточные регионы (Камчатский край, Магаданская область), где высокая плотность объясняется небольшим населением, высокими доходами и отсутствием крупных сетевых компаний, место которых занимает малый бизнес. Особняком стоит Удмуртская Республика: её прирост на 32,8 % за пять лет пришёлся в основном на 2023–2025 гг., и его причины требуют отдельного изучения.

Внизу списка — почти все республики Северного Кавказа, а также Тыва, Еврейская автономная область, Кузбасс и Забайкальский край. Общие черты этой группы — низкие доходы, высокая безработица и значительная неформальная занятость. Именно в этой группе темпы прироста наибольшие: Чеченская Республика (+94,6 %), Дагестан (+56,2 %), Ингушетия (+48,5 %). Здесь работает эффект низкой базы и выхода из тени, о котором писали эксперты Института Гайдара [23]. Исключения — Еврейская автономная область и Кузбасс: низкая плотность в них сочетается с медленным ростом, и это признак стагнации, а не догоняющего развития.

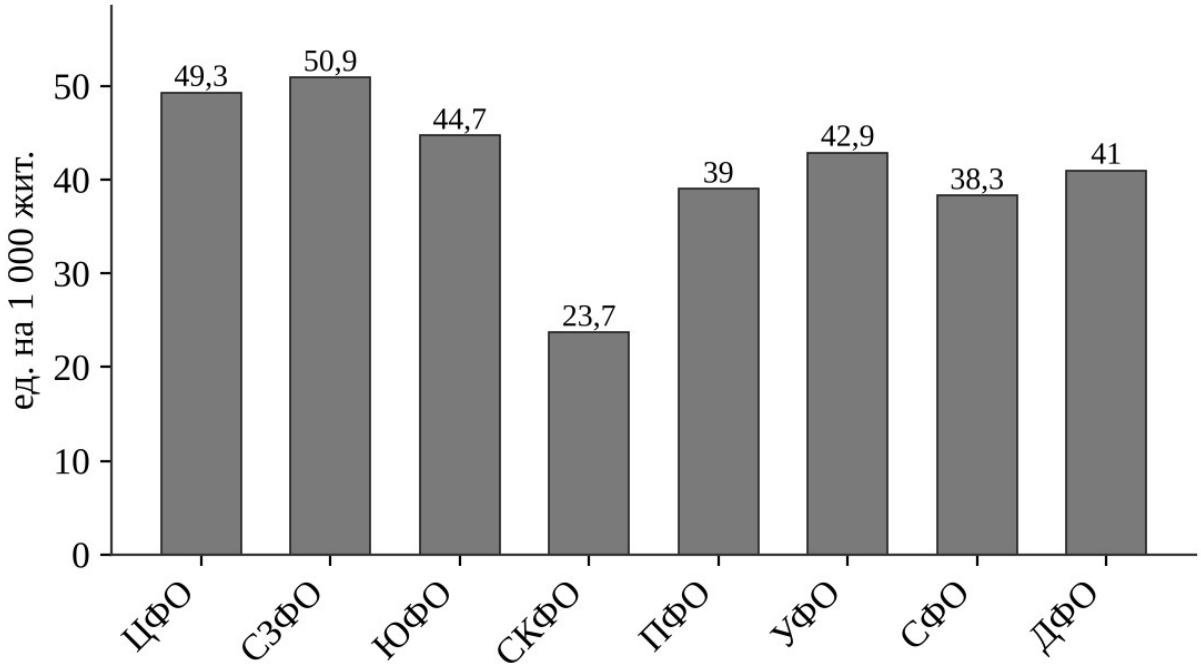

Рисунок 5 – Плотность субъектов МСП по федеральным округам на 10.07.2025, ед. на 1 000 жителей

Источник: расчёты автора по [16, 17].

Вернёмся к уровню федеральных округов (рисунок 5). Как изменилась концентрация МСП? Ответ зависит от того, каким показателем её измерять. Индекс Херфиндаля — Хиршмана по 85 регионам вырос с 365 в 2021 г. до 385 в 2025 г. Доля Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга в числе субъектов МСП увеличилась с 25,3 до 26,4 %, тогда как их доля в населении — 18,9 %. Десять крупнейших по числу МСП регионов сосредоточили 47,0

% всех субъектов. В абсолютном выражении сектор продолжает стягиваться к крупнейшим центрам.

Относительные показатели говорят обратное. Стандартное отклонение логарифма плотности снизилось с 0,33 в 2021 г. до 0,28 в 2025 г., а без Калмыкии — до 0,26. Коэффициент вариации плотности без Калмыкии уменьшился с 0,255 до 0,235. Противоречия здесь нет. Абсолютная концентрация растёт, потому что крупные агломерации прибавляют много субъектов в абсолютном выражении. Относительная дифференциация снижается, потому что регионы с самой низкой плотностью растут в процентах значительно быстрее. Для региональной политики важен второй показатель: он говорит о том, что разрыв в доступности предпринимательства как вида занятости для жителей разных регионов сокращается.

Подведём промежуточный итог. Сектор МСП в 2021–2026 гг. рос в абсолютном выражении за счёт столичных агломераций, а в относительном — за счёт регионов с низкой исходной базой; параллельно сокращалось число юридических лиц и стагнировал ряд регионов европейской части страны.

Из анализа второй главы вытекают и четыре методических урока, которые пригодятся при построении моделей. Во-первых, уровни нужно сравнивать по июльским срезам реестра, иначе Центральный округ искусственно выглядит сильнее остальных. Во-вторых, Республика Калмыкия — выброс, который способен исказить любую линейную модель, и её нужно рассматривать отдельно. В-третьих, распределения доходов и ВРП сильно скошены из-за ресурсных автономных округов, поэтому переменные нужно логарифмировать, а результаты проверять без этих округов. В-четвёртых, республики Северного Кавказа образуют компактную группу с очень низкой плотностью и очень высокой безработицей, и любую связь, найденную по всей выборке, следует перепроверить без них.

3. Оценка влияния региональных факторов на развитие МСП

3.1 Корреляционно-регрессионная модель плотности МСП

Эконометрическая часть исследования отвечает на вопрос, какие характеристики регионов связаны с плотностью МСП и её изменением. Набор объясняющих переменных ограничен тем, что публикуется по всем 85 субъектам за последние годы и сопоставимо между ними. В модель вошли три показателя Росстата и одна фиктивная переменная:

– lnINC — натуральный логарифм среднедушевых денежных доходов населения за 2025 г. (спросовый фактор и одновременно индикатор доступности стартового капитала);

– lnGRP — логарифм ВРП на душу населения за 2024 г. (производственный потенциал региона);

– lnUN — логарифм уровня безработицы за 2025 г. (состояние рынка труда);

– AGGL — фиктивная переменная, равная единице для Москвы, Санкт-Петербурга, Московской и Ленинградской областей (эффект крупнейших агломераций).

Зависимая переменная — логарифм плотности МСП на 10 июля 2025 г. Логарифмическая форма позволяет читать коэффициенты как эластичности: коэффициент 0,2 при lnINC означает, что регион с доходами на 10 % выше имеет при прочих равных плотность МСП примерно на 2 % выше. Объясняющие переменные взяты за 2024–2025 гг., то есть почти одновременно с зависимой. Поэтому модель описывает связи, а не причинность: высокая плотность МСП сама может повышать доходы и снижать безработицу.

Начнём с парных корреляций (таблица 13). Их полезно рассчитывать двумя способами. Коэффициент Пирсона чувствителен к выбросам, коэффициент ранговой корреляции Спирмена — нет, и расхождение между

ними сразу показывает, где результат держится на нескольких необычных регионах.

Таблица 13 – Коэффициенты корреляции факторов с плотностью и приростом МСП

Фактор	Плотность, r (85)	Плотность, r (84)	Плотность, ρ (84)	Прирост, r (85)	Прирост, r (84)	Прирост, ρ (84)
lnINC	0,32∗∗∗	0,52∗∗∗	0,56∗∗∗	−0,19∗	−0,15	−0,16
lnGRP	0,35∗∗∗	0,46∗∗∗	0,51∗∗∗	−0,13	−0,21∗	−0,09
lnUN	−0,33∗∗∗	−0,50∗∗∗	−0,25∗∗	0,37∗∗∗	0,56∗∗∗	0,13
ln плотности 2021	–	–	–	−0,39∗∗∗	−0,74∗∗∗	−0,34∗∗∗

Плотность — на 10.07.2025, прирост — за 2021–2025 гг.; r — коэффициент Пирсона, ρ — коэффициент Спирмена; (85) — все регионы, (84) — без Республики Калмыкия. ∗∗∗ — значимость на уровне 1 %, ∗∗ — 5 %, ∗ — 10 %. Источник: расчёты автора по [12, 16, 17, 18, 19, 20].

Корреляции подтверждают спросовую гипотезу. Доходы и ВРП на душу населения положительно связаны с плотностью МСП, причём после исключения Калмыкии связь заметно усиливается: с 0,32 до 0,52 для доходов. Безработица связана с плотностью отрицательно. Ранговая корреляция для безработицы слабее (−0,25 против −0,50), то есть сила линейной связи во многом определяется республиками Северного Кавказа с очень высокой безработицей и очень низкой плотностью.

С приростом картина другая. Доходы и ВРП с ним почти не связаны, а безработица связана положительно: регионы с высокой безработицей в 2021–2025 гг. росли быстрее. Но и здесь ранговая корреляция (0,13) незначима, а значит, эффект создают те же республики Северного Кавказа. Самая сильная и устойчивая связь — отрицательная зависимость прироста от начального уровня плотности: −0,74 по Пирсону и −0,34 по Спирмену. Это первый признак конвергенции, к которому мы вернёмся в параграфе 3.2.

Рисунок 6 показывает эту связь наглядно. Облако точек вытянуто вверх и вправо, но разброс вокруг линии регрессии велик. Справа вверху находятся Москва и Санкт-Петербург, справа внизу — Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа, где доходы очень высоки, а плотность МСП средняя.

Слева внизу расположены Ингушетия, Чечня и Тыва. Наклон линии в двойном логарифмическом масштабе равен 0,37: в парной модели десятипроцентная разница в доходах соответствует разнице в плотности примерно на 3,7 %. В множественной модели этот эффект меньше, поскольку часть его поглощают безработица и агломерационная переменная.

Отдельного внимания заслуживает связь доходов и ВРП между собой: коэффициент корреляции их логарифмов равен 0,89. Включение обеих переменных в одну модель создаёт мультиколлинеарность (коэффициент увеличения дисперсии около 5,4), и оценки становятся неустойчивыми. Поэтому основная спецификация содержит доходы, а ВРП добавляется для проверки.

Результаты оценки четырёх моделей методом наименьших квадратов приведены в таблице 14. Стандартные ошибки рассчитаны в робастной форме HC1, устойчивой к гетероскедастичности, которая в межрегиональных данных почти неизбежна.

Таблица 14 – Результаты оценки моделей плотности МСП (зависимая переменная — ln плотности на 10.07.2025)

Переменная	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
lnINC	0,194∗∗ (0,093)	0,236∗∗∗ (0,089)	0,144 (0,182)	0,199∗∗ (0,090)
lnGRP	–	–	0,031 (0,091)	–
lnUN	−0,217∗∗∗ (0,069)	−0,229∗∗∗ (0,062)	−0,223∗∗∗ (0,062)	−0,226∗∗∗ (0,064)
AGGL	–	–	0,212∗∗∗ (0,079)	0,205∗∗∗ (0,077)
Константа	1,656 (1,037)	1,190 (0,982)	1,771 (1,103)	1,587 (0,991)
R^2	0,305	0,437	0,464	0,462
Скорректированный R^2	0,288	0,423	0,436	0,442
F-статистика	18,0	31,4	17,1	22,9
Число наблюдений	85	84	84	84

В скобках — робастные стандартные ошибки HC1; ∗∗∗ p < 0,01, ∗∗ p < 0,05, ∗ p < 0,1. Модель 1 — полная выборка, модели 2–4 — без Республики Калмыкия. Источник: расчёты автора.

Модель 1, оценённая по всем 85 регионам, объясняет 30,5 % вариации плотности. После исключения Калмыкии (модель 2) коэффициент детерминации вырастает до 0,437, а оценки коэффициентов почти не

меняются. Это говорит о том, что Калмыкия — выброс по зависимой переменной, не влияющий на направление связей, но добавляющий много «шума». Все дальнейшие выводы сделаны по моделям без неё.

В модели 3 добавлены ВРП и фиктивная переменная агломераций. Коэффициент при ВРП близок к нулю и незначим, а коэффициент при доходах теряет значимость из-за мультиколлинеарности. Когда ВРП исключается (модель 4), доходы снова значимы на уровне 5 %, а качество модели по скорректированному R^2 даже немного улучшается. Значит, для плотности МСП важен не объём производства в регионе, а то, сколько денег остаётся у его жителей. Это хорошо видно на примере нефтегазовых автономных округов: при огромном ВРП на душу населения плотность МСП в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах составляет 34,6 субъекта на тысячу жителей, ниже средней по стране.

Итоговая модель 4 записывается так:

$$\ln D_i = 1{,}587 + 0{,}199 \ln INC_i - 0{,}226 \ln UN_i + 0{,}205\, AGGL_i + \varepsilon_i \qquad (4)$$

где D — плотность МСП в регионе i на 10.07.2025; INC — среднедушевые денежные доходы за 2025 г.; UN — уровень безработицы за 2025 г.; AGGL — фиктивная переменная столичных агломераций; ε — случайная ошибка.

Содержательная интерпретация коэффициентов такова. Эластичность плотности по доходам равна 0,2: при доходах на 10 % выше плотность МСП выше примерно на 2 %. Эластичность по безработице равна −0,23: при безработице на 10 % выше плотность ниже примерно на 2,3 %. Если сравнивать регионы не на 10 %, а в реальном диапазоне, эффект безработицы оказывается очень большим. Безработица в Республике Дагестан (10,9 %) примерно в шесть раз выше, чем в Татарстане (1,7 %), и одна эта разница при прочих равных соответствует плотности примерно на 34 % ниже. Наконец, столичные агломерации имеют «премию» $\exp(0{,}205) - 1 \approx 23$ % сверх того, что объясняется их доходами и рынком труда.

Почему безработица в базовой модели оказалась столь сильным фактором? Возможны два объяснения, и они не исключают друг друга. Первое — спросовое: высокая безработица означает, что значительная часть населения не имеет стабильного дохода, и спрос на услуги малого бизнеса низок. Второе — институциональное: в регионах с высокой безработицей велика неформальная занятость, и часть реально работающего малого бизнеса не регистрируется. Р. Тюрик и соавторы предупреждали, что связь безработицы и самозанятости надо оценивать в динамике, поскольку в краткосрочном и долгосрочном периодах эффекты имеют разные знаки [59]. Наши данные это подтверждают: в пространственном срезе безработица снижает плотность, а в динамике, как показано в параграфе 3.2, связана с более быстрым ростом.

Результат по доходам согласуется с выводами В. А. Бариновой, С. П. Земцова и Ю. В. Царёвой о роли близости к крупным рынкам [24] и с международными работами о спросовых факторах [53]. Отличие состоит в том, что в нашей модели ВРП не добавляет объяснительной силы сверх доходов. Это вполне логично для страны, где значительная часть ВРП создаётся в добыче полезных ископаемых и вывозится за пределы региона в виде прибыли крупных компаний.

Полезно посмотреть, как модель описывает крупнейшие регионы. Для Москвы расчётная плотность составляет 69,0 субъекта на тысячу жителей при фактической 63,9, для Московской области — 52,4 при 50,8, то есть столица и её пригород немного «недобирают» до уровня, который соответствует их доходам. Санкт-Петербург, напротив, превышает расчётный уровень (65,5 против 54,5), так же как Свердловская область (49,3 против 42,3) и Татарстан (43,3 против 40,4). Возможное объяснение — более высокая стоимость ведения бизнеса в Москве: аренда, заработная плата и конкуренция с крупными сетями ограничивают число малых фирм даже при очень высоком спросе.

Наиболее интересны регионы с большими остатками модели, то есть те, где плотность МСП заметно отличается от «положенной» по доходам и безработице (таблица 15). Остатки можно трактовать как совокупное действие неучтённых факторов: институтов, истории, географии, отраслевой структуры.

Таблица 15 – Регионы с наибольшими отклонениями фактической плотности МСП от расчётной по модели 4

Регион	Фактическая плотность	Расчётная плотность	Остаток (ln)
Чеченская Республика	17,1	27,0	−0,46
Ямало-Ненецкий АО	34,6	53,7	−0,44
Республика Ингушетия	12,0	18,3	−0,43
Еврейская автономная область	25,6	38,8	−0,42
Чукотский АО	33,9	50,0	−0,39
Республика Дагестан	17,7	24,7	−0,34
Краснодарский край	52,1	39,2	0,28
Республика Карелия	49,3	35,5	0,33
Новосибирская область	52,9	35,8	0,39
Калининградская область	56,4	37,7	0,40
Республика Алтай	44,0	27,8	0,46

Плотность — субъектов МСП на 1 000 жителей на 10.07.2025. Источник: расчёты автора.

Отрицательные остатки сгруппированы в двух типах регионов. Первый — ресурсные автономные округа (Ямало-Ненецкий, Чукотский, Ханты-Мансийский): высокие доходы здесь формируются вахтовой и корпоративной занятостью, а рынок услуг частично обслуживают крупные компании. Второй — республики Северного Кавказа, где плотность ниже даже с учётом безработицы. Это согласуется с выводом о влиянии институциональной среды и неформальности на регистрируемое предпринимательство [24, 30]. Проверка устойчивости ниже показывает, что именно эти республики во многом определяют и коэффициент при безработице. Положительные остатки у Калининградской области (особый

экономический режим и приграничная торговля), Краснодарского края и Республики Алтай (туризм), Новосибирской области (крупный университетский и деловой центр Сибири), Республики Карелия (туризм и близость к Санкт-Петербургу). Иначе говоря, туристическая специализация и роль межрегионального центра дают предпринимательству дополнительный стимул, который не улавливают доходы и безработица.

Несколько слов о выборе спецификации. Линейная модель с теми же переменными в натуральных единицах объясняет 43,1 % вариации плотности, логарифмическая — 46,2 %, то есть логарифмическая форма не хуже и при этом даёт интерпретацию в терминах эластичностей. Тест Бройша — Пагана на гетероскедастичность для модели 4 даёт статистику LM = 14,0 при трёх степенях свободы, что превышает критическое значение χ^2 на уровне 1 % (11,34). Гетероскедастичность присутствует, и использование робастных стандартных ошибок оправдано. Остатки модели не коррелируют ни с численностью населения ($r = 0{,}11$), ни с ВРП на душу населения ($r = 0{,}02$), то есть эти переменные не содержат информации, которую модель упустила.

Средние остатки по федеральным округам показывают, где модель систематически ошибается. Для Северо-Кавказского округа средний остаток равен −0,195: плотность МСП там примерно на 18 % ниже, чем предсказывают доходы, безработица и агломерационный статус. Для Сибирского (+0,098), Южного (+0,071) и Северо-Западного (+0,069) округов остатки положительны, для Уральского (−0,080) — отрицательны из-за ресурсных автономных округов. В Центральном и Приволжском округах средние остатки близки к нулю. Значит, «макрорегиональный» эффект есть, и сильнее всего он проявляется на Северном Кавказе.

Насколько устойчивы эти результаты? Модель 4 была переоценена на нескольких подвыборках и для другой даты (таблица 16). Проверка дала важное уточнение.

Таблица 16 – Проверка устойчивости модели 4 (зависимая переменная — ln плотности МСП)

Спецификация	n	lnINC	lnUN	AGGL	R^2
Базовая (без Калмыкии)	84	0,199∗∗	−0,226∗∗∗	0,205∗∗∗	0,462
Без регионов СКФО	77	0,185∗∗	−0,014	0,248∗∗∗	0,271
Без четырёх ресурсных автономных округов	80	0,385∗∗∗	−0,226∗∗∗	0,090	0,575
С фиктивной переменной СКФО (коэф. −0,375∗∗∗)	84	0,169∗∗	−0,106∗	0,231∗∗∗	0,553
Плотность на 10.07.2026	84	0,186∗∗	−0,219∗∗∗	0,222∗∗∗	0,457

Робастные стандартные ошибки HC1; ∗∗∗ p < 0,01, ∗∗ p < 0,05, ∗ p < 0,1. Ресурсные автономные округа — Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Чукотский. Источник: расчёты автора.

Коэффициент при доходах значим во всех спецификациях. Без ресурсных автономных округов он почти удваивается (0,385), а коэффициент детерминации растёт до 0,575: в этих округах высокие доходы не превращаются в высокую плотность МСП, и их исключение «очищает» связь. Агломерационная премия устойчива везде, кроме выборки без автономных округов, где она теряет значимость, потому что доходы начинают объяснять и столичную плотность.

С безработицей ситуация иная. Если исключить семь субъектов Северо-Кавказского округа, её коэффициент падает до −0,014 и становится незначимым, а при добавлении фиктивной переменной СКФО уменьшается вдвое и значим лишь на уровне 10 %. Значит, отрицательная связь безработицы с плотностью МСП в основном отражает особенности одного макрорегиона, где высокая безработица сочетается с неформальной занятостью и иной институциональной средой, а не универсальный механизм. Этот вывод важен для политики: снижение безработицы само по себе не гарантирует роста числа МСП в регионах за пределами Северного Кавказа. На оценки для 2026 г. проверка не повлияла: коэффициенты практически совпадают с базовыми.

Ограничения модели надо назвать прямо. Она пространственная, а не панельная, и не учитывает время. Число объясняющих переменных невелико, и более половины вариации плотности остаётся необъяснённым. Зависимая переменная измеряет формальную регистрацию, а не реальную деловую активность. Наконец, переменные доходов и безработицы сами зависят от развития МСП, и строгая идентификация причинных эффектов потребовала бы инструментальных переменных. Тем не менее устойчивость коэффициентов при доходах и агломерационной переменной позволяет считать эти связи надёжными для целей региональной политики, а связь с безработицей — характерной прежде всего для Северного Кавказа.

3.2 Межрегиональная конвергенция и типология регионов

Конвергенция в региональной экономике — это сближение регионов по какому-либо показателю со временем. В работе Р. Барро и Х. Сала-и-Мартина различаются два её вида [34]. σ-конвергенция означает уменьшение разброса показателя между регионами. β-конвергенция означает, что регионы с низким начальным уровнем растут быстрее, чем регионы с высоким. Второе — необходимое, но не достаточное условие первого.

Для плотности МСП σ-конвергенция в 2021–2026 гг. наблюдается отчётливо (таблица 17). Стандартное отклонение логарифма плотности по 84 регионам без Калмыкии снизилось с 0,328 в 2021 г. до 0,261 в 2025 г. и до 0,255 в 2026 г., коэффициент вариации — с 0,255 до 0,230.

Таблица 17 – Показатели σ-конвергенции регионов по плотности МСП

Показатель	2021	2025	2026
Стандартное отклонение ln плотности, 85 регионов	0,326	0,283	0,276
Стандартное отклонение ln плотности, без Калмыкии	0,328	0,261	0,255
Коэффициент вариации плотности, без Калмыкии	0,255	0,235	0,230

Источник: расчёты автора по [12, 16, 17].

Для проверки β-конвергенции прирост числа субъектов МСП за 2021–2025 гг. регрессируется на логарифм начальной плотности:

$$g_i = \alpha + \beta \ln D_{i,\,2021} + \gamma X_i + u_i \qquad (5)$$

где g — прирост числа субъектов МСП в регионе i за 10.07.2021–10.07.2025, %; D — плотность на 10.07.2021; X — набор контрольных переменных; $\beta < 0$ свидетельствует о конвергенции.

Результаты представлены в таблице 18. По полной выборке коэффициент β равен −32,2 и значим, но модель объясняет лишь 15 % вариации из-за Калмыкии. Без неё R^2 вырастает до 0,54 уже в парной модели, а с контрольными переменными — до 0,65.

Таблица 18 – Результаты оценки моделей β-конвергенции (зависимая переменная — прирост числа МСП за 2021–2025 гг., %)

Переменная	Модель 5	Модель 6	Модель 7
ln плотности 2021	−32,18∗∗∗ (6,46)	−31,47∗∗∗ (6,87)	−32,15∗∗∗ (8,07)
lnINC	–	–	6,91∗∗ (2,82)
lnUN	–	–	4,37∗ (2,22)
AGGL	–	–	16,10∗∗∗ (2,16)
Константа	127,08∗∗∗ (23,55)	122,08∗∗∗ (24,59)	43,98 (31,65)
R^2	0,153	0,544	0,654
Скорректированный R^2	0,143	0,539	0,636
Число наблюдений	85	84	84

В скобках — робастные стандартные ошибки HC1; ∗∗∗ p < 0,01, ∗∗ p < 0,05, ∗ p < 0,1. Модель 5 — полная выборка, модели 6–7 — без Республики Калмыкия. Источник: расчёты автора.

Коэффициент при начальной плотности устойчив во всех спецификациях и составляет около −32. Это означает, что регион с начальной плотностью на 10 % выше рос за четыре года примерно на 3 процентных пункта медленнее. Скорость сближения высокая. Но важно, что в модели 7 значим и коэффициент при агломерационной переменной: при одинаковой начальной плотности, доходах и безработице четыре столичных региона росли на 16 процентных пунктов быстрее. Агломерации «выпадают» из общей закономерности: они уже имеют высокую плотность и всё равно продолжают расти быстрее остальных. Отсюда и наблюдавшийся во второй главе парадокс одновременного роста абсолютной концентрации и снижения относительной дифференциации.

Продолжилось ли сближение после 2025 г.? За год с 10 июля 2025 г. по 10 июля 2026 г. коэффициент корреляции прироста с логарифмом плотности на начало периода по 84 регионам равен −0,34 (по Спирмену −0,30), а коэффициент β в парной регрессии — −2,7 при p = 0,02. Годовой интервал короткий, но направление то же: регионы с низкой плотностью продолжают расти быстрее.

Положительный коэффициент при доходах в модели 7 (6,9) тоже заслуживает комментария. При одинаковой начальной плотности богатые регионы росли быстрее бедных, то есть в динамике спросовый фактор продолжает действовать. Положительный и значимый на уровне 10 % коэффициент при безработице означает, что при прочих равных регионы с высокой безработицей прибавляли больше субъектов. Этот результат согласуется с «эффектом беженца» Р. Тюрика и соавторов [59]: нехватка рабочих мест подталкивает людей к регистрации собственного дела. Для республик Северного Кавказа сюда добавляется легализация бизнеса, на которую указывали эксперты Института Гайдара [23].

Опираясь на два измерения — уровень плотности на 10.07.2025 и прирост за 2021–2025 гг., — регионы можно разделить на четыре типа. Границами служат медианы: 38,4 субъекта на тысячу жителей и 7,0 % прироста. Состав типов показан в таблице 19.

Таблица 19 – Типология субъектов РФ по уровню и динамике развития МСП

Тип	Критерии	Число регионов	Примеры
I. Лидеры роста	Плотность выше медианы, прирост выше медианы	20	Москва, Московская и Ленинградская обл., Санкт-Петербург, Краснодарский край, Татарстан, Удмуртия, Свердловская и Тюменская обл., Приморский край
II. Зрелые рынки	Плотность выше медианы, прирост ниже медианы	23	Новосибирская, Калужская, Ярославская, Нижегородская, Самарская обл., Карелия, Камчатский край, Республика Крым, Севастополь
III. Догоняющие	Плотность ниже медианы, прирост выше медианы	23	Республики Северного Кавказа, Башкортостан, Мордовия, Тыва, Бурятия, Забайкальский край, Курганская и Оренбургская обл.
IV. Стагнирующие	Плотность ниже медианы, прирост ниже медианы	19	Брянская, Курская, Тамбовская, Орловская, Псковская, Архангельская, Волгоградская, Саратовская обл., Республика Коми, ЕАО

Республика Калмыкия формально относится к типу I, но из-за регистрационной аномалии в характеристику типа не включалась. Полные данные — в приложении А. Источник: расчёты автора.

Тип I, лидеры роста, объединяет столичные агломерации и крупнейшие региональные центры с высокими доходами. Это регионы, где МСП развивается по рыночной логике: большой спрос, развитая инфраструктура, концентрация финансовых ресурсов. Средняя плотность в типе — около 48 субъектов на тысячу жителей (без Калмыкии). Риск для этих регионов не в недостатке предпринимателей, а в их размере: подавляющая часть прироста здесь приходится на ИП и микропредприятия.

Тип II, зрелые рынки, — регионы с исторически высокой плотностью, где рост замедлился. Сюда входят старопромышленные области Центра и Поволжья, ряд регионов Северо-Запада и Дальнего Востока, Крым и Севастополь. Насыщение рынка здесь вполне вероятно: при сравнительно невысоких доходах и стареющем населении спрос на новые малые фирмы ограничен. Сюда же попали Сахалинская и Вологодская области, где число МСП за пять лет сократилось.

Тип III, догоняющие, — самая неоднородная группа. В неё входят все субъекты Северо-Кавказского округа, включая Ставропольский край, а также Адыгея, ряд национальных республик и регионов Сибири и Дальнего Востока. Объединяет их низкая начальная плотность и быстрый рост. Именно этот тип обеспечивает σ-конвергенцию. Вопрос в том, что стоит за ростом — реальное развитие или легализация. Скорее всего, и то и другое, и соотношение между ними различается от региона к региону.

Тип IV, стагнирующие, — регионы с низкой плотностью и медленным ростом или сокращением числа МСП. Это в основном области европейской части страны без крупных агломераций, с сокращающимся и стареющим населением: Брянская, Курская, Тамбовская, Орловская, Псковская, а также северные регионы — Архангельская область и Республика Коми. Для них характерны умеренная безработица и низкие доходы. Именно этот тип выглядит наиболее проблемным: здесь нет ни спроса, как в типах I и II, ни эффекта низкой базы, как в типе III.

Количественные характеристики типов сведены в таблицу 20. Лидеры роста — это 44 % населения страны и 53 % всех субъектов МСП. Догоняющие регионы при 19 % населения имеют лишь 13 % субъектов, а их медианные доходы самые низкие. Стагнирующие регионы по доходам и безработице близки к медиане страны, и их отставание объясняется не бедностью как таковой, а сочетанием умеренных доходов с демографическим сжатием и удалённостью от крупных рынков.

Таблица 20 – Характеристики типов регионов (без Республики Калмыкия)

Тип	Число регионов	Средняя плотность 2025	Медианный прирост 2021–2025, %	Медианные доходы, руб. в месяц	Доля в населении, %	Доля в числе МСП, %
I. Лидеры роста	19	47,6	11,6	68 749	44,4	53,4
II. Зрелые рынки	23	43,3	4,8	60 298	20,0	20,0
III. Догоняющие	23	30,2	15,5	50 544	19,1	13,2
IV. Стагнирующие	19	33,9	4,5	57 343	16,3	13,0

Доли рассчитаны от итогов по 85 субъектам РФ. Источник: расчёты автора по [12, 16, 17, 19].

Насколько устойчива типология? Чтобы проверить это, регионы были заново распределены по типам по данным на 10 июля 2026 г., то есть по плотности 2026 г. и приросту за 2021–2026 гг. с медианами 39,4 субъекта на тысячу жителей и 10,8 %. Из 84 регионов (без Калмыкии) 82 сохранили свой тип. Сменили его только Волгоградская область, перешедшая из стагнирующих в догоняющие, и Ямало-Ненецкий автономный округ, перешедший в обратном направлении. Значит, типология отражает устойчивые различия, а не случайные колебания одного года.

Предложенная типология перекликается с подходом С. П. Земцова и В. А. Бариновой, которые на основе кластерного анализа построили типологию регионов для целей инновационной политики и предложили для каждого типа собственный набор инструментов [25]. Отличие состоит в критериях: у них в основе лежат потенциал создания и распространения технологий и специализация, здесь — плотность и динамика предпринимательства. Обе типологии исходят из одной идеи: единые для всей страны меры дают

разный эффект в регионах с разными стартовыми условиями, и выравнивающая политика уступает политике, учитывающей специфику территорий.

Типологию полезно сопоставить и с федеральными округами. Лидеры роста — это прежде всего две столицы с их областями, а также крупные центры Урала и Поволжья: Свердловская, Челябинская и Тюменская области, Татарстан, Удмуртия, Чувашия, Пермский край. Зрелые рынки распределены по всей стране, но больше всего их в Центральном округе, где к этому типу относятся десять областей из восемнадцати. Догоняющие регионы — это весь Северо-Кавказский округ и национальные республики Поволжья, Сибири и Дальнего Востока. Стагнирующие регионы концентрируются на западе и северо-западе европейской части страны и в Нижнем Поволжье. Деление на федеральные округа плохо совпадает с типами развития МСП, и программы, разработанные «для округа», неизбежно будут слишком грубыми.

Типология позволяет перейти от общих выводов к адресным рекомендациям. Одни и те же меры поддержки будут давать разный эффект в регионах разных типов, и это обстоятельство пока слабо учитывается при распределении федеральных субсидий.

3.3 Направления совершенствования региональной политики поддержки МСП

Результаты эконометрического анализа и типология приводят к трём общим выводам для политики. Первый: плотность МСП определяется прежде всего платёжеспособным спросом и статусом агломерации, то есть факторами, на которые программы поддержки МСП влияют слабо. Второй: регионы сближаются по плотности, но крупнейшие агломерации продолжают расти быстрее, чем предсказывает их уровень. Третий: рост числа субъектов в реестре в части регионов имеет регистрационную природу и не обязательно отражает рост реальной деятельности.

Отсюда первое предложение — изменить систему целевых показателей. Многие региональные программы до сих пор оценивают успех по числу субъектов МСП или по числу получателей поддержки. Такой показатель легко «нарастить» перерегистрацией и не связан с главным ориентиром Указа № 309 — ростом дохода на одного работника МСП [6]. Предлагается дополнить региональные программы показателями масштаба: долей малых и средних предприятий в общем числе субъектов, числом переходов из категории микропредприятий в категорию малых, средней численностью работников на один субъект. Для их расчёта достаточно данных Единого реестра, где категория каждого субъекта уточняется ежегодно 10 июля [2].

Второе предложение — оценивать нереализованный потенциал региона через остаток модели. Если фактическая плотность МСП заметно ниже той, которую предсказывают доходы, безработица и статус агломерации, значит, в регионе действуют сдерживающие факторы, не связанные с рынком: институциональные барьеры, неформальность, слабая инфраструктура. Показатель разрыва рассчитывается так:

$$Gap_i = \ln \hat{D}_i - \ln D_i \tag{6}$$

где $\hat{D}$ — расчётная плотность МСП в регионе i по модели 4; D — фактическая плотность. Положительное значение Gap означает, что фактическая плотность ниже ожидаемой.

Регионы с большим положительным разрывом — республики Северного Кавказа, ресурсные автономные округа, Еврейская автономная область (таблица 15) — нуждаются не столько в дополнительных субсидиях, сколько в мерах по снижению барьеров: упрощении административных процедур, защите собственности, развитии инфраструктуры. Регионы с отрицательным разрывом, где МСП уже «перевыполняет» модель, могут служить источником лучших практик. Этот показатель удобен тем, что рассчитывается по открытым данным и обновляется ежегодно.

Третье предложение — дифференцировать меры по типам регионов. Матрица приоритетов приведена в таблице 21.

Таблица 21 – Приоритеты региональной политики поддержки МСП по типам регионов

Тип региона	Главная проблема	Приоритетные меры	Показатель результата
I. Лидеры роста	Мелкий масштаб бизнеса при большом числе субъектов	Поддержка роста фирм: доступ к закупкам крупных заказчиков, экспортная поддержка, льготный кредит на расширение	Доля малых и средних предприятий; доход на работника
II. Зрелые рынки	Замедление роста, старение владельцев	Программы передачи бизнеса, модернизационный кредит, кооперация с крупной промышленностью	Число переходов микро → малые; обновление основных фондов
III. Догоняющие	Неформальность, низкая база, регистрационные эффекты	Стимулы к легализации, микрофинансирование, обучение предпринимательству, контроль фактической деятельности	Доля субъектов с работниками; налоговые поступления по спецрежимам
IV. Стагнирующие	Слабый спрос, отток населения	Снижение издержек входа: льготная аренда, муниципальные программы, выход на маркетплейсы, связь с соседними агломерациями	Прирост числа субъектов; выживаемость новых фирм

Источник: разработано автором.

Для **лидеров роста** задача состоит не в увеличении числа предпринимателей, а в увеличении их масштаба. В Москве на 10 июля 2026 г. числилось 861,8 тыс. субъектов МСП [16], и ещё несколько десятков тысяч ИП ничего не изменят. Ощутимый эффект даст переход части микропредприятий в категорию малых, а малых — в средние. Инструменты для этого существуют: квоты закупок крупнейших заказчиков у МСП,

льготное кредитование по программе, предусмотренной постановлением Правительства РФ № 1764 [8], поручительства Корпорации МСП. Предлагается направлять их в регионах типа I прежде всего на кредиты под расширение производства, а не на оборотные средства.

Такой подход соответствует позиции С. Шейна, который считал ошибочной политику, нацеленную на увеличение числа предпринимателей любой ценой: средняя новая фирма мала, малопроизводительна и недолговечна, а основной вклад в рост дают немногочисленные быстрорастущие компании [54]. ОЭСР в обзоре политики в сфере МСП также делает акцент на масштабировании и производительности малого бизнеса, а не на числе субъектов [51].

Для **зрелых рынков** ключевая угроза — тихое сокращение сектора по мере старения владельцев. Многие малые фирмы в старопромышленных регионах созданы в 1990-е годы, и их собственники приближаются к пенсионному возрасту. Программы передачи бизнеса, которые в европейских странах давно стали частью политики поддержки МСП, в России почти не развиты. Второе направление — кооперация с крупными предприятиями. Работа Э. Глейзера и У. Керра показывает, что среда множества мелких поставщиков — один из лучших предикторов появления новых фирм [46]. Региональные программы развития поставщиков для крупных промышленных компаний могли бы оживить МСП в таких регионах, как Нижегородская, Самарская, Ярославская области.

Для **догоняющих регионов** главное — превратить регистрационный рост в реальный. Плотность МСП здесь растёт быстрее всего, но с очень низкой базы, и неизвестно, какая доля новых субъектов ведёт деятельность. Поддержку целесообразно привязывать к показателям реальной активности: наличию наёмных работников, уплате налогов, обороту. Для самых мелких предпринимателей лучшим путём легализации служит режим налога на профессиональный доход [4], а для тех, кто растёт, — переход в ИП с понятными и стабильными условиями. Отдельная задача — обучение

предпринимательству. В регионах с высокой безработицей среди молодёжи программы обучения и наставничества могут дать больший эффект, чем гранты.

Для **стагнирующих регионов** ограничение — слабый местный спрос, и бороться с ним одной лишь поддержкой предложения бесполезно. Целесообразны меры, снижающие издержки входа: льготная аренда муниципальных помещений, упрощённые процедуры для нестационарной торговли и сельских предпринимателей, помощь в выходе на маркетплейсы, которые позволяют продавать за пределы региона. Не менее важно связывать такие регионы с соседними агломерациями транспортом и цифровой инфраструктурой. Стратегия пространственного развития Российской Федерации исходит из опорной роли крупных городских агломераций [9], хотя Н. В. Зубаревич обращала внимание на ограниченность инструментов, которыми располагает такая политика [27], и для регионов типа IV разумно встраиваться в рынки ближайших центров, а не пытаться создать собственный спрос с нуля.

Конкретные цифры помогают увидеть масштаб задач. Чтобы догоняющая Чеченская Республика при нынешнем населении вышла хотя бы на медианную плотность (38,4 субъекта на тысячу жителей), число субъектов МСП в ней должно вырасти с 26,8 до примерно 60 тыс., то есть ещё более чем вдвое, и это после почти двукратного роста за 2021–2025 гг. Для Ингушетии нужен рост более чем втрое. Ясно, что одной поддержкой регистрации такие разрывы не закрыть: требуется рост доходов населения и снижение неформальной занятости. Для стагнирующей Псковской области задача иная: плотность там 34,0, до медианы не хватает около 2,5 тыс. субъектов, но за пять лет число МСП не выросло, а сократилось на 2,3 %. Здесь вопрос не в масштабе разрыва, а в том, чтобы остановить сжатие.

Для зрелых рынков, например Ярославской области (плотность 41,8, прирост 3,5 % за пять лет) или Камчатского края (51,8 и 2,7 %), показатель числа субъектов вообще перестаёт быть информативным: он уже выше

медианы и растёт медленно, потому что рынок насыщен. Оценивать политику здесь разумнее по доле малых и средних предприятий и по доходу на работника, как того требует Указ № 309 [6]. Для лидеров роста, таких как Московская и Ленинградская области, где число субъектов за пять лет увеличилось на 22 и 27 %, главный риск — нагрузка на инфраструктуру и рост издержек, а не нехватка предпринимателей.

Четвёртое предложение касается налоговой конкуренции регионов. Право субъектов РФ снижать ставки упрощённой системы налогообложения [1] — полезный инструмент, но в сочетании с регистрацией по месту учёта, а не по месту деятельности, оно создаёт стимулы к «бумажному» переносу бизнеса. Пример Республики Калмыкия, где число субъектов МСП за четыре года выросло в 3,2 раза, показывает, насколько сильно такие эффекты могут искажать региональную статистику. Предлагается при оценке эффективности региональных программ исключать из целевых показателей субъектов, у которых нет работников и отчётности о фактической деятельности в регионе.

Пятое предложение — методическое. Органам власти, отвечающим за развитие МСП, стоит перейти на июльские срезы реестра при оценке динамики, а январские использовать только для внутригодового мониторинга. Разница между ними, как показано в параграфе 2.2, составляет около 3 % общего числа субъектов, а в Москве превышает 7 %. Сравнение январского среза с июльским может создать иллюзию спада или роста там, где его нет.

Предложенные меры удобно внедрять через ежегодный цикл мониторинга. После июльского обновления реестра региональный орган, отвечающий за развитие МСП, рассчитывает плотность и прирост числа субъектов, сопоставляет их с медианами по стране и определяет тип региона. Затем по актуальным данным Росстата пересчитывается модель и разрыв между расчётной и фактической плотностью. Результаты публикуются вместе с отчётом о реализации региональной программы, а состав мер на следующий год корректируется с учётом типа региона. Такой цикл не

требует новых источников данных и может выполняться силами аналитических подразделений региональных центров «Мой бизнес».

Возможны и возражения против предложенного подхода. Медианные границы типов условны, и регион, находящийся вблизи границы, может переходить из типа в тип из-за небольших колебаний. Чтобы избежать этого, тип целесообразно определять по среднему за три года. Второе возражение: модель плотности объясняет менее половины межрегиональных различий, поэтому разрыв между расчётной и фактической плотностью нельзя трактовать как точную меру барьеров. Он лишь указывает, где их стоит искать, а окончательный вывод требует анализа на месте: опросов предпринимателей, данных о проверках, сроках подключения к сетям и выдачи разрешений.

Реализация предложений не требует новых законов. Почти все инструменты уже предусмотрены Законом № 209-ФЗ [2] и Стратегией развития МСП до 2030 г. [7]; меняется лишь логика их распределения. Вместо единого набора мер для всех субъектов РФ — дифференцированный набор, привязанный к типу региона и к оценке его нереализованного потенциала. Такая логика соответствует выводу С. П. Земцова и В. А. Бариновой о необходимости перехода от выравнивающей региональной политики к политике, опирающейся на специализацию и сильные стороны территорий [25].

Наконец, о границах применимости рекомендаций. Они выведены из данных о числе субъектов в реестре и из трёх показателей Росстата, и потому касаются прежде всего количественной стороны развития МСП. Качество бизнеса — его производительность, инновационность, экспортная ориентация — в модели не отражено. Для регионов типа I и II, где число субъектов уже высоко, именно эти характеристики становятся главными, и их оценка потребует данных об обороте и занятости по категориям предприятий. Для регионов типа III и IV вопрос о количестве остаётся актуальным, и предложенные меры могут применяться без существенных

уточнений. Отдельного исследования требуют новые субъекты Российской Федерации: по ним данные реестра уже публикуются, но сопоставимых показателей Росстата пока нет, и их место в типологии определить нельзя.

Итоги третьей главы можно свести к нескольким положениям. Плотность МСП в регионах России теснее всего связана с доходами населения и со статусом столичной агломерации, а связь с безработицей в основном отражает особенности Северного Кавказа. В 2021–2026 гг. регионы сближаются по плотности, причём скорость сближения высока, но столичные регионы растут быстрее, чем предсказывает их и без того высокий уровень. Типология из четырёх групп устойчива во времени и плохо совпадает с делением на федеральные округа. Для каждой группы предложен свой набор приоритетов, а для оценки нереализованного потенциала — показатель разрыва между расчётной и фактической плотностью, который рассчитывается по открытым данным и может ежегодно обновляться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Развитие МСП в регионе понимается в работе как изменение во времени числа субъектов, их плотности относительно населения, масштаба и структуры сектора. Для межрегиональных сравнений наиболее пригоден показатель плотности субъектов Единого реестра на 1 000 жителей, рассчитанный по июльским срезам. Именно 10 июля реестр ежегодно обновляется по налоговой отчётности, и январские данные завышают число субъектов: в январе 2025 г. реестр содержал на 199 тыс. субъектов больше, чем в июле.

2. Теоретические подходы к объяснению пространственного распределения предпринимательства сводятся к пяти группам факторов: спросовым, агломерационным, факторам рынка труда и человеческого капитала, финансовым и институциональным. Международные исследования показывают, что наиболее устойчивы спросовые и агломерационные факторы, а влияние безработицы двойственно. Российские исследования подтверждают значимость доступа к рынкам и институтов, но не находят значимого влияния государственной поддержки.

3. В России сложилась многоуровневая система поддержки МСП с налоговым, финансовым, имущественным, информационным и рыночным каналами. Национальные цели, закреплённые Указом № 309, смещают акцент с числа субъектов на доход на одного работника МСП, что требует пересмотра региональных показателей.

4. С 10 июля 2021 г. по 10 июля 2026 г. число субъектов МСП в 85 регионах выросло с 5,62 до 6,49 млн, а с учётом новых субъектов РФ — до 6,61 млн. Период разделяется на фазу стагнации 2021–2022 гг. (+0,6 %) и фазу роста на 3–4 % в год с 2023 г. Быстрее всех рос Северо-Кавказский федеральный округ (+27,6 % за 2021–2025 гг.), медленнее — Сибирский (+7,0 %). Доля ИП увеличилась с 59,9 до 69,4 %, число юридических лиц сокращается.

5. Межрегиональные различия в плотности МСП остаются большими: от 12,0 субъекта на тысячу жителей в Ингушетии до 65,5 в Санкт-Петербурге (без учёта аномальной Калмыкии). Абсолютная концентрация растёт: доля Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга в числе субъектов увеличилась с 25,3 до 26,4 %. Относительная дифференциация снижается: стандартное отклонение логарифма плотности уменьшилось с 0,33 до 0,26.

6. Регрессионный анализ показал, что плотность МСП положительно связана со среднедушевыми доходами (эластичность около 0,2, без ресурсных автономных округов — около 0,39), а столичные агломерации имеют премию около 23 %. ВРП на душу населения после учёта доходов значимым не является. Отрицательная связь с безработицей (эластичность около −0,23) статистически значима, но держится в основном на республиках Северного Кавказа и без них исчезает. Модель объясняет 46 % межрегиональной вариации. Прирост числа субъектов отрицательно зависит от начальной плотности ($\beta \approx -32$), что подтверждает β-конвергенцию, при этом агломерации растут быстрее, чем предсказывает их уровень.

7. Предложена типология регионов по уровню и динамике развития МСП: лидеры роста (20 регионов), зрелые рынки (23), догоняющие (23) и стагнирующие (19). Для каждого типа обоснованы приоритеты политики: рост масштаба бизнеса для лидеров, передача бизнеса и кооперация с промышленностью для зрелых рынков, перевод регистрационного роста в реальный для догоняющих, снижение издержек входа и встраивание в рынки соседних агломераций для стагнирующих. Предложен показатель нереализованного потенциала региона, рассчитываемый как разрыв между расчётной и фактической плотностью МСП.

8. Методический результат работы состоит в том, что межрегиональные сравнения по данным Единого реестра требуют единой даты среза, учёта аномальных регионов и проверки устойчивости на подвыборках. Без этих процедур можно получить как ложную картину спада в Центральном округе при сравнении январских и июльских данных, так и

завышенную оценку влияния безработицы, которая на деле определяется особенностями республик Северного Кавказа.

Практическая ценность результатов связана с тем, что все расчёты выполнены на открытых данных и могут ежегодно воспроизводиться региональными органами власти после июльского обновления реестра. Предложенные показатели — плотность МСП по июльскому срезу, тип региона по уровню и динамике, разрыв между расчётной и фактической плотностью — дополняют, а не заменяют существующие показатели региональных программ и позволяют точнее распределять ограниченные ресурсы поддержки.

Полученные результаты не означают, что программы поддержки МСП бесполезны. Они означают, что эти программы работают на фоне гораздо более мощных факторов — доходов населения, рынка труда, агломерационных эффектов — и должны быть настроены так, чтобы дополнять действие этих факторов в регионах разных типов, а не пытаться их заменить.

Цель исследования достигнута, задачи решены. Перспективы дальнейшей работы связаны с построением панельных моделей на ежегодных данных реестра, с включением показателей самозанятости, кредитования и качества институтов, а также с проверкой гипотезы о регистрационной природе роста МСП в отдельных регионах на данных о налоговых поступлениях и численности работников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) : Федеральный закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ : [ред. действующая] // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 22.10.2026).

2. Российская Федерация. Законы. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ : [ред. от 26.06.2026] // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (дата обращения: 22.10.2026).

3. Российская Федерация. Законы. О стратегическом планировании в Российской Федерации : Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ // Гарант : информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/70684666/ (дата обращения: 22.10.2026).

4. Российская Федерация. Законы. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» : Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977/ (дата обращения: 22.10.2026).

5. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : Федеральный закон от 12.07.2024 № 176-ФЗ // Официальное опубликование правовых актов : [сайт]. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202407120009 (дата обращения: 22.10.2026).

6. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 // Президент России : официальный сайт. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986 (дата обращения: 22.10.2026).

7. О Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года и плане мероприятий («дорожной карте») по ее реализации : распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.06.2016 № 1083-р // Гарант : информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/71418202/ (дата обращения: 22.10.2026).

8. Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2019–2024 годах субъектам малого и среднего предпринимательства по льготной ставке : постановление Правительства Российской Федерации от 30.12.2018 № 1764 // Гарант : информационно-правовой портал. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72041688/ (дата обращения: 22.10.2026).

9. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 № 4146-р // Правительство России : официальный сайт. – URL: http://government.ru/docs/all/157308/ (дата обращения: 22.10.2026).

10. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства : [сайт] / Федеральная налоговая служба. – URL: https://rmsp.nalog.ru/ (дата обращения: 22.10.2026).

11. Кредитование субъектов малого и среднего предпринимательства : статистический бюллетень. – 2022. – № 7 (26) / Банк России. – Москва, 2022.

– URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/42312/stat_bulletin_lending_22-7_26.pdf (дата обращения: 22.10.2026).

12. Статистика развития МСП в Российской Федерации: 10.07.2022 / 10.07.2021 : по данным Единого реестра субъектов МСП / Общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «ОПОРА РОССИИ». – Москва, 2022. – URL: https://opora.ru/site/assets/files/45639/2022_analiz_reestra_msp_iyul.pdf (дата обращения: 22.10.2026).

13. Статистика развития МСП в Российской Федерации: 10.01.2023 / 10.01.2022 : по данным Единого реестра субъектов МСП / «ОПОРА РОССИИ». – Москва, 2023. – URL: https://opora.ru/site/assets/files/45639/2023_statistika_razvitiya_msp_v_rf.pdf (дата обращения: 22.10.2026).

14. Статистика развития МСП в Российской Федерации: 10.07.2024 / 10.07.2023 : по данным Единого реестра субъектов МСП / «ОПОРА РОССИИ». – Москва, 2024. – URL: https://opora.ru/site/assets/files/68676/statistika_razvitiya_msp_2024.pdf (дата обращения: 22.10.2026).

15. Статистика развития МСП в Российской Федерации: 10.01.2025 / 10.01.2024 : по данным Единого реестра субъектов МСП / «ОПОРА РОССИИ». – Москва, 2025. – URL: https://opora.ru/site/assets/files/77211/statisticheskie_dannye_po_msp_yanvar_2025g.pdf (дата обращения: 22.10.2026).

16. Статистика развития МСП в Российской Федерации: 10.07.2026 / 10.07.2025 : по данным Единого реестра субъектов МСП / «ОПОРА РОССИИ». – Москва, 2026. – URL: https://opora.ru/site/assets/files/106444/reestra_msp.pdf (дата обращения: 22.10.2026).

17. Численность населения России по регионам : [данные Росстата] // Statbase. – URL:

https://statbase.ru/datasets/national-statistics-of-russia/population-and-society/population-by-region-national-stat/ (дата обращения: 22.10.2026).

18. Валовой региональный продукт на душу населения по регионам России : [данные Росстата] // Statbase. – URL: https://statbase.ru/datasets/national-statistics-of-russia/economics/gross-domestic-product-by-region-per-capita-national-stat/ (дата обращения: 22.10.2026).

19. Среднедушевые доходы населения в месяц в России по регионам : [данные Росстата] // Statbase. – URL: https://statbase.ru/datasets/national-statistics-of-russia/labor-income-prices/average-income-per-capita-by-region-national-stat/ (дата обращения: 22.10.2026).

20. Уровень безработицы по регионам России : [данные Росстата] // Statbase. – URL: https://statbase.ru/datasets/national-statistics-of-russia/labor-income-prices/unemployment-rate-by-region-national-stat/ (дата обращения: 22.10.2026).

21. Особенности формирования Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства. Отмена единого налога на вменённый доход с 1 января 2021 года. Выбор системы налогообложения / Управление ФНС России по Вологодской области. – Вологда, 2020. – URL: https://35kichgorodeckij.gosuslugi.ru/netcat_files/31/1948/osobennosti_formirovaniya_edinogo_reestra_subektov_malogo_i_srednego_predprinimatelstva.pdf (дата обращения: 22.10.2026).

22. Программа кандидатского экзамена по научной специальности 5.2.3 «Региональная и отраслевая экономика» / Новосибирский государственный технический университет. – Новосибирск. – URL: https://www.nstu.ru/static_files/63725/5.2.3.pdf (дата обращения: 22.10.2026).

23. Баринова, В. А. Анализ ключевых показателей развития сферы МСП в 2022 г. : препринт научно-исследовательской работы / В. А. Баринова, П. А. Леваков. – Москва : Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара, 2023. – 45 с. – URL:

https://www.iep.ru/files/RePEc/gai/wpaper/wpaper-2023-1262.pdf (дата обращения: 22.10.2026).

24. Баринова, В. А. Предпринимательство и институты: есть ли связь на региональном уровне в России? / В. А. Баринова, С. П. Земцов, Ю. В. Царева // Вопросы экономики. – 2018. – № 6. – С. 92–116. – DOI 10.32609/0042-8736-2018-6-92-116.

25. Земцов, С. П. Смена парадигмы региональной инновационной политики в России: от выравнивания к «умной специализации» / С. П. Земцов, В. А. Баринова // Вопросы экономики. – 2016. – № 10. – С. 65–81. – DOI 10.32609/0042-8736-2016-10-65-81.

26. Земцов, С. П. Факторы регионального развития в России: география, человеческий капитал или политика регионов / С. П. Земцов, Ю. А. Смелов // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2018. – № 4 (40). – С. 84–108. – DOI 10.31737/2221-2264-2018-40-4-4.

27. Зубаревич, Н. В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты / Н. В. Зубаревич // Вопросы экономики. – 2019. – № 1. – С. 135–145. – DOI 10.32609/0042-8736-2019-1-135-145.

28. Шумпетер, Й. Теория экономического развития : (исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры) / Й. Шумпетер ; перевод с немецкого В. С. Автономова [и др.]. – Москва : Прогресс, 1982. – 455 с. – (Экономическая мысль Запада).

29. Acs, Z. Employment growth and entrepreneurial activity in cities / Z. Acs, C. Armington // Regional Studies. – 2004. – Vol. 38, № 8. – P. 911–927. – DOI 10.1080/0034340042000280938.

30. Aidis, R. Institutions and entrepreneurship development in Russia: a comparative perspective / R. Aidis, S. Estrin, T. Mickiewicz // Journal of Business Venturing. – 2008. – Vol. 23, № 6. – P. 656–672. – DOI 10.1016/j.jbusvent.2008.01.005.

31. Audretsch, D. B. The geography of firm births in Germany / D. B. Audretsch, M. Fritsch // Regional Studies. – 1994. – Vol. 28, № 4. – P. 359–365. – DOI 10.1080/00343409412331348326.

32. Audretsch, D. Entrepreneurship capital and economic performance / D. Audretsch, M. Keilbach // Regional Studies. – 2004. – Vol. 38, № 8. – P. 949–959. – DOI 10.1080/0034340042000280956.

33. Ayyagari, M. Small and medium enterprises across the globe / M. Ayyagari, T. Beck, A. Demirguc-Kunt // Small Business Economics. – 2007. – Vol. 29, № 4. – P. 415–434. – DOI 10.1007/s11187-006-9002-5.

34. Barro, R. J. Convergence / R. J. Barro, X. Sala-i-Martin // Journal of Political Economy. – 1992. – Vol. 100, № 2. – P. 223–251. – DOI 10.1086/261816.

35. Baumol, W. J. Entrepreneurship: productive, unproductive, and destructive / W. J. Baumol // Journal of Political Economy. – 1990. – Vol. 98, № 5, pt. 1. – P. 893–921. – DOI 10.1086/261712.

36. Beck, T. Small and medium-size enterprises: access to finance as a growth constraint / T. Beck, A. Demirguc-Kunt // Journal of Banking & Finance. – 2006. – Vol. 30, № 11. – P. 2931–2943. – DOI 10.1016/j.jbankfin.2006.05.009.

37. Delfmann, H. Population change and new firm formation in urban and rural regions / H. Delfmann, S. Koster, P. McCann, J. Van Dijk // Regional Studies. – 2014. – Vol. 48, № 6. – P. 1034–1050. – DOI 10.1080/00343404.2013.867430.

38. Estrin, S. Which institutions encourage entrepreneurial growth aspirations? / S. Estrin, J. Korosteleva, T. Mickiewicz // Journal of Business Venturing. – 2013. – Vol. 28, № 4. – P. 564–580. – DOI 10.1016/j.jbusvent.2012.05.001.

39. Evans, D. S. An estimated model of entrepreneurial choice under liquidity constraints / D. S. Evans, B. Jovanovic // Journal of Political Economy. – 1989. – Vol. 97, № 4. – P. 808–827. – DOI 10.1086/261629.

40. Feldman, M. P. The entrepreneurial event revisited: firm formation in a regional context / M. P. Feldman // Industrial and Corporate Change. – 2001. – Vol. 10, № 4. – P. 861–891. – DOI 10.1093/icc/10.4.861.

41. Fritsch, M. Effects of new business formation on regional development over time / M. Fritsch, P. Mueller // Regional Studies. – 2004. – Vol. 38, № 8. – P. 961–975. – DOI 10.1080/0034340042000280965.

42. Fritsch, M. Entrepreneurship in a regional context: historical roots, recent developments and future challenges / M. Fritsch, D. J. Storey // Regional Studies. – 2014. – Vol. 48, № 6. – P. 939–954. – DOI 10.1080/00343404.2014.892574.

43. Fritsch, M. The long persistence of regional levels of entrepreneurship: Germany, 1925–2005 / M. Fritsch, M. Wyrwich // Regional Studies. – 2014. – Vol. 48, № 6. – P. 955–973. – DOI 10.1080/00343404.2013.816414.

44. Glaeser, E. L. Clusters of entrepreneurship / E. L. Glaeser, W. R. Kerr, G. A. M. Ponzetto // Journal of Urban Economics. – 2010. – Vol. 67, № 1. – P. 150–168. – DOI 10.1016/j.jue.2009.09.008.

45. Glaeser, E. L. Entrepreneurship and urban growth: an empirical assessment with historical mines / E. L. Glaeser, S. P. Kerr, W. R. Kerr // Review of Economics and Statistics. – 2015. – Vol. 97, № 2. – P. 498–520. – DOI 10.1162/REST_a_00456.

46. Glaeser, E. L. Local industrial conditions and entrepreneurship: how much of the spatial distribution can we explain? / E. L. Glaeser, W. R. Kerr // Journal of Economics & Management Strategy. – 2009. – Vol. 18, № 3. – P. 623–663. – DOI 10.1111/j.1530-9134.2009.00225.x.

47. Kerr, W. R. Democratizing entry: banking deregulations, financing constraints, and entrepreneurship / W. R. Kerr, R. Nanda // Journal of Financial Economics. – 2009. – Vol. 94, № 1. – P. 124–149. – DOI 10.1016/j.jfineco.2008.12.003.

48. Krugman, P. Increasing returns and economic geography / P. Krugman // Journal of Political Economy. – 1991. – Vol. 99, № 3. – P. 483–499. – DOI 10.1086/261763.

49. Lee, S. Y. Creativity and entrepreneurship: a regional analysis of new firm formation / S. Y. Lee, R. Florida, Z. Acs // Regional Studies. – 2004. – Vol. 38, № 8. – P. 879–891. – DOI 10.1080/0034340042000280910.

50. North, D. C. Institutions, institutional change and economic performance / D. C. North. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – DOI 10.1017/CBO9780511808678.

51. OECD SME and Entrepreneurship Outlook 2023. – Paris : OECD Publishing, 2023. – DOI 10.1787/342b8564-en.

52. Parker, S. C. The economics of entrepreneurship / S. C. Parker. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – DOI 10.1017/CBO9780511817441.

53. Reynolds, P. Cross-national comparisons of the variation in new firm formation rates / P. Reynolds, D. J. Storey, P. Westhead // Regional Studies. – 1994. – Vol. 28, № 4. – P. 443–456. – DOI 10.1080/00343409412331348386.

54. Shane, S. Why encouraging more people to become entrepreneurs is bad public policy / S. Shane // Small Business Economics. – 2009. – Vol. 33, № 2. – P. 141–149. – DOI 10.1007/s11187-009-9215-5.

55. Spigel, B. The relational organization of entrepreneurial ecosystems / B. Spigel // Entrepreneurship Theory and Practice. – 2017. – Vol. 41, № 1. – P. 49–72. – DOI 10.1111/etap.12167.

56. Stam, E. Entrepreneurial ecosystems and regional policy: a sympathetic critique / E. Stam // European Planning Studies. – 2015. – Vol. 23, № 9. – P. 1759–1769. – DOI 10.1080/09654313.2015.1061484.

57. Sternberg, R. Regional dimensions of entrepreneurship / R. Sternberg // Foundations and Trends in Entrepreneurship. – 2009. – Vol. 5, № 4. – P. 211–340. – DOI 10.1561/0300000024.

58. Storey, D. J. The birth of new firms – does unemployment matter? A review of the evidence / D. J. Storey // Small Business Economics. – 1991. – Vol. 3, № 3. – P. 167–178. – DOI 10.1007/BF00400022.

59. Thurik, A. R. Does self-employment reduce unemployment? / A. R. Thurik, M. A. Carree, A. van Stel, D. B. Audretsch // Journal of Business Venturing. – 2008. – Vol. 23, № 6. – P. 673–686. – DOI 10.1016/j.jbusvent.2008.01.007.

60. Wennekers, S. Linking entrepreneurship and economic growth / S. Wennekers, R. Thurik // Small Business Economics. – 1999. – Vol. 13, № 1. – P. 27–56. – DOI 10.1023/A:1008063200484.

61. Ács, Z. J. National systems of entrepreneurship: measurement issues and policy implications / Z. J. Ács, E. Autio, L. Szerb // Research Policy. – 2014. – Vol. 43, № 3. – P. 476–494. – DOI 10.1016/j.respol.2013.08.016.

ПРИЛОЖЕНИЕ А. ЧИСЛО И ПЛОТНОСТЬ СУБЪЕКТОВ МСП ПО СУБЪЕКТАМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Таблица 22 – Число субъектов МСП на 10 июля и плотность на 1 000 жителей по субъектам РФ

Субъект РФ	ФО	МСП, 2021	МСП, 2025	Плотн. 2021	Плотн. 2025	Прирост, %
Белгородская область	ЦФО	57 219	60 346	38,4	40,5	5,5
Брянская область	ЦФО	36 614	36 515	32,2	32,1	−0,3
Владимирская область	ЦФО	48 728	51 685	37,4	39,6	6,1
Воронежская область	ЦФО	82 991	87 004	36,6	38,4	4,8
Ивановская область	ЦФО	39 860	42 310	44,2	46,9	6,1
Калужская область	ЦФО	40 955	43 334	38,4	40,6	5,8
Костромская область	ЦФО	21 833	22 827	38,7	40,5	4,6
Курская область	ЦФО	33 971	33 548	32,2	31,8	−1,2
Липецкая область	ЦФО	37 643	39 345	33,8	35,4	4,5
Московская область	ЦФО	361 810	442 305	41,5	50,8	22,2
Орловская область	ЦФО	24 369	24 650	35,4	35,8	1,2
Рязанская область	ЦФО	39 474	41 413	36,6	38,4	4,9
Смоленская область	ЦФО	36 128	38 311	42,0	44,5	6,0
Тамбовская область	ЦФО	29 521	29 732	31,0	31,2	0,7
Тверская область	ЦФО	44 382	46 553	37,1	39,0	4,9
Тульская область	ЦФО	51 227	52 677	35,0	36,0	2,8
Ярославская область	ЦФО	47 757	49 435	40,3	41,8	3,5
г. Москва	ЦФО	722 164	843 921	54,7	63,9	16,9
Республика Карелия	СЗФО	24 899	25 717	47,8	49,3	3,3
Республика Коми	СЗФО	25 074	24 680	34,9	34,4	−1,6
Архангельская область	СЗФО	33 648	33 163	35,4	34,8	−1,4
Вологодская область	СЗФО	47 174	46 136	42,2	41,3	−2,2
Калининградская область	СЗФО	53 336	58 246	51,6	56,4	9,2
Ленинградская область	СЗФО	64 916	82 133	31,7	40,1	26,5
Мурманская область	СЗФО	23 546	24 766	36,0	37,9	5,2
Новгородская область	СЗФО	19 735	21 014	34,7	36,9	6,5
Псковская область	СЗФО	20 129	19 666	34,8	34,0	−2,3
г. Санкт-Петербург	СЗФО	336 065	368 205	59,7	65,5	9,6
Ненецкий автономный округ	СЗФО	1 492	1 937	35,5	46,0	29,8
Республика Адыгея	ЮФО	15 071	17 410	30,1	34,8	15,5
Республика Калмыкия	ЮФО	8 754	28 282	32,8	105,9	223,1
Краснодарский край	ЮФО	266 026	304 059	45,6	52,1	14,3
Астраханская область	ЮФО	27 648	29 302	29,2	31,0	6,0
Волгоградская область	ЮФО	71 561	75 738	29,3	31,0	5,8
Ростовская область	ЮФО	165 427	179 322	39,9	43,3	8,4
Республика Крым	ЮФО	85 040	84 904	44,6	44,5	−0,2
г. Севастополь	ЮФО	23 408	23 711	41,8	42,4	1,3
Республика Дагестан	СКФО	36 678	57 302	11,3	17,7	56,2
Республика Ингушетия	СКФО	4 282	6 360	8,1	12,0	48,5

Субъект РФ	ФО	МСП, 2021	МСП, 2025	Плотн. 2021	Плотн. 2025	Прирост, %
Кабардино-Балкарская Республика	СКФО	17 549	21 602	19,4	23,8	23,1
Карачаево-Черкесская Республика	СКФО	10 550	13 507	22,5	28,8	28,0
Республика Северная Осетия – Алания	СКФО	15 083	18 281	22,2	26,9	21,2
Чеченская Республика	СКФО	13 760	26 780	8,8	17,1	94,6
Ставропольский край	СКФО	93 049	99 804	32,3	34,6	7,3
Республика Башкортостан	ПФО	120 267	138 955	29,7	34,3	15,5
Республика Марий Эл	ПФО	19 118	21 619	28,6	32,4	13,1
Республика Мордовия	ПФО	20 064	25 027	26,3	32,8	24,7
Республика Татарстан	ПФО	151 110	173 690	37,7	43,3	14,9
Удмуртская Республика	ПФО	55 017	73 067	38,4	51,1	32,8
Чувашская Республика	ПФО	42 455	46 588	36,5	40,0	9,7
Кировская область	ПФО	43 932	45 988	39,0	40,9	4,7
Нижегородская область	ПФО	119 560	127 811	39,2	41,9	6,9
Оренбургская область	ПФО	54 401	60 995	29,8	33,5	12,1
Пензенская область	ПФО	42 571	45 904	34,6	37,3	7,8
Пермский край	ПФО	92 804	100 610	37,3	40,4	8,4
Самарская область	ПФО	123 554	131 509	39,6	42,1	6,4
Саратовская область	ПФО	71 241	76 054	30,0	32,0	6,8
Ульяновская область	ПФО	40 808	43 746	34,9	37,4	7,2
Курганская область	УФО	20 082	23 006	26,8	30,7	14,6
Свердловская область	УФО	189 852	207 996	45,0	49,3	9,6
Тюменская область	УФО	63 556	74 890	39,2	46,2	17,8
Челябинская область	УФО	130 203	141 129	38,4	41,6	8,4
Ханты-Мансийский АО – Югра	УФО	57 333	61 187	32,4	34,6	6,7
Ямало-Ненецкий АО	УФО	16 695	17 984	32,1	34,6	7,7
Республика Алтай	СФО	8 170	9 266	38,8	44,0	13,4
Республика Тыва	СФО	6 922	9 609	20,5	28,4	38,8
Республика Хакасия	СФО	16 000	17 846	30,4	33,9	11,5
Алтайский край	СФО	73 397	77 226	34,8	36,6	5,2
Красноярский край	СФО	100 522	109 931	35,4	38,7	9,4
Иркутская область	СФО	83 472	88 023	35,9	37,8	5,5
Кемеровская область – Кузбасс	СФО	65 417	69 982	25,8	27,6	7,0
Новосибирская область	СФО	137 887	147 351	49,5	52,9	6,9
Омская область	СФО	60 800	63 541	33,6	35,1	4,5
Томская область	СФО	38 769	40 248	37,2	38,6	3,8
Республика Бурятия	ДФО	29 576	32 531	30,4	33,5	10,0
Республика Саха (Якутия)	ДФО	38 176	42 602	38,0	42,4	11,6
Приморский край	ДФО	82 290	88 471	45,6	49,1	7,5
Хабаровский край	ДФО	48 738	51 412	38,2	40,3	5,5
Амурская область	ДФО	25 334	28 440	33,7	37,8	12,3
Камчатский край	ДФО	14 560	14 957	50,5	51,8	2,7
Магаданская область	ДФО	6 327	6 626	47,2	49,5	4,7
Сахалинская область	ДФО	22 751	22 492	49,7	49,2	−1,1
Забайкальский край	ДФО	24 356	29 770	24,7	30,3	22,2

Субъект РФ	ФО	МСП, 2021	МСП, 2025	Плотн. 2021	Плотн. 2025	Прирост, %
Еврейская автономная область	ДФО	3 628	3 708	25,0	25,6	2,2
Чукотский автономный округ	ДФО	1 354	1 626	28,3	33,9	20,1

МСП — число субъектов МСП на 10 июля; плотность — субъектов на 1 000 жителей, рассчитана по среднегодовой численности населения за 2024 г. Источник: расчёты автора по данным [12, 16, 17].